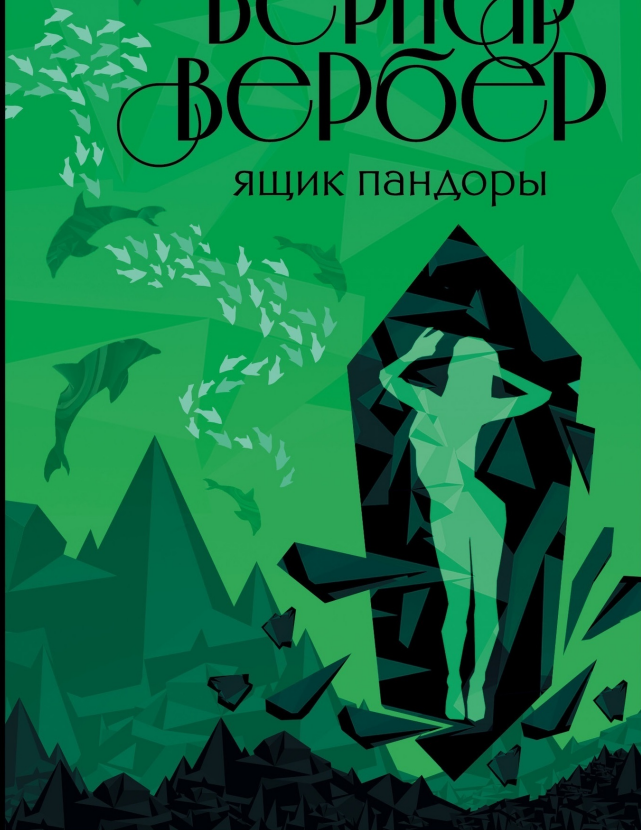

Мы — носители памяти
об утонувшем мире, об Атлантиде,
мы постараемся не исчезнуть.

БЕРНАР ВЕРБЕР

ящик пандоры

Бернар Вербер

Ящик Пандоры

Серия «Бесконечная Вселенная Бернара Вербера»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42989092

Ящик Пандоры / Бернар Вербер ; [пер. с фр. А. Кабалкина]: Эксмо;

Москва; 2019

ISBN 978-5-04-102560-1

Аннотация

Один вечер в театре гипноза «Ящик Пандоры» переворачивает жизнь обычного учителя истории Рене Толедано с ног на голову. Он совсем не ожидал, что сеанс гипноза с рыжеволосой фокусницей, на который он согласился из вежливости, выбросит его в окопы Первой мировой войны. Он и подумать не мог, что всего через несколько минут после этого по его вине на набережной Сены умрет человек, а труп он трусливо скинет в реку. Разве мог Рене предположить, что всего через пару дней он узнает, что его душа родом из легендарной Атлантиды и ему нужно спасти свое древнее «я» от разрушительного катаклизма, чтобы сохранить в веках память об атлантах. Все вокруг твердят Рене, что он сошел с ума, но он знает, что нет ничего более хрупкого и могущественного, чем человеческая память. Теперь

перед Рене стоит непростой выбор – последовать за истиной, скрытой в его прошлых жизнях, или признать, что он болен...

Содержание

Акт I

8

Конец ознакомительного фрагмента.

144

Бернар Вербер Ящик Пандоры

Алисе, гостье по эту сторону зеркала...

*Мы живем в забвении своих метаморфоз.
Поль Элюар¹*

*И когда они спросят нас, что мы делаем,
мы ответим: мы вспоминаем. Да, мы память
человечества, и поэтому мы в конце концов
непреренно победим.
Рей Брэдбери «451 градус по Фаренгейту»*

Bernard Werber

LA BOÎTE DE PANDORE

Copyright © Éditions Albin Michel et Bernard Werber, Paris,

2018

Перевод с французского *Аркадия Кабалкина*

© Кабалкин А., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-102560-1

Акт I

Гипноз

1.

– Вы – не только те, за кого себя принимаете. Я задаю вопрос: вы сумеете вспомнить, кто вы на самом деле?

Гипнотизерша по имени Опал готовится к кульминации, гвоздю представления. Она ищет добровольца, оглядывая аудиторию большими зелеными глазами, обведенными черным карандашом.

– Кто из вас хочет вскрыть воспоминания, зарытые в глубинах вашего сознания?

Никто не откликается, все опускают глаза. Она откидывает волнистую прядь длинных рыжих волос, упавшую на глаза.

– Никто? В таком случае я произвольно назначу кого-то одного. Кого бы выбрать?

Она тычет в зал указательным пальцем с безукоризненным маникюром, перебирая зрителей, изучая одного за другим, пока не выбирает жертву.

– Вы!

Мимо! Ничего не выйдет.

– Да, вы, мсье. Не могли бы вы выйти ко мне?

Мужчина со вздохом встает и со скорбной улыбкой поднимается на сцену. Видя, как мало у него энтузиазма, Опал просит зал его подбодрить.

Почему всегда я?

В зале баржи-театра «Ящик Пандоры» помещается примерно триста человек. Все энергично аплодируют, испытывая облегчение от того, что выбор пал не на них.

Двое на сцене, гипнотизерша и ее подопытный, разглядывают друг друга. У нее прекрасная фигура, в глубоком декольте черного платья блестит кулон из ляпис-лазури в форме дельфина. Он – кареглазый шатен в очках с тонкими позолоченными дужками, в тенниске, в джинсах, в ботинках на толстой каучуковой подошве.

– Спасибо вам за сговорчивость, – приветствует она его не без иронии. – Как вас зовут, сколько вам лет?

– Рене Толедано, 32 года, – отвечает он с очевидной неохотой.

– Чем занимаетесь?

– Я преподаю историю в лицее Джонни Холлидея².

– Почему вы здесь, мсье Толедано?

– У нас с коллегой Элоди (он указывает на белокурую особу с короткой стрижкой, скромно поднимающую руку в третьем ряду) ритуал: в воскресенье вечером мы всегда ходим

² Джонни Холлидей (1943–2017) – французский рок-певец. Настоящее имя Жан-Филипп Лео Смет.

на какой-нибудь спектакль, а потом в пиццерию.

– Так. Значит, завтра у вас начинается учебный год. Стресс перед новыми попытками обуздать наших обожаемых ангелочков, да?

В зале смешки.

– Именно. Мы с Элоди решили расслабиться в последний вечер каникул, прежде чем прыгнуть в воронку учебного года.

– Почему из всех спектаклей вы выбрали мой?

– Я люблю магию, Элоди – гипноз. В прошлое воскресенье она ходила со мной на фокусника, теперь моя очередь сделать ей приятное.

– Простой обмен любезностями?

– Признаться, меня заинтриговало название спектакля, «Гипноз и забытые воспоминания».

Женщина с длинными рыжими волосами, улыбаясь, усаживает его в красное бархатное кресло в центре сцены, где красуется огромная фотография зеленого глаза, совсем как у нее.

– Позвольте задать вам вопрос, мсье Толедано. Как лично вы понимаете выражение «забытое воспоминание»?

Вопрос интересный, Рене вскидывает голову.

– У меня как у преподавателя истории такое впечатление, что у всех вокруг прогрессирующая амнезия. Все повторяют ошибки прошлого, потому что забыли, какими были последствия.

Рене подбодрили понимающие голоса в зале, и он продолжает:

– В наше время все происходит быстрее, и мне кажется, что забывается все тоже быстрее.

Снова берет слово гипнотизерша:

– Это так называемая коллективная память. А как у вас дела с вашей собственной, индивидуальной памятью?

Похоже, она чего-то от меня ждет. Каких слов она от меня добывается?

– Более-менее. Я способен вспомнить мельчайшие подробности французской истории. Но с недавних пор у меня возникли провалы в памяти, и это меня тревожит. Например, я все чаще забываю, куда подевал ключи, где поставил машину. На прошлой неделе забыл пин-код своей дебетовой карточки. Если откровенно, я боюсь кончить, как мой отец, у него болезнь Альцгеймера.

– Худшее, что может произойти с преподавателем истории, – это потеря памяти, не так ли?

Рене вместо ответа смотрит в зал, на свою коллегу.

Уверен, Элоди тоже недоумевает, зачем мы теряем время на эти личные расспросы, вместо того чтобы начать номер.

Этот зал с иллюминаторами, смотрящими на реку, кажется ему тюрьмой, откуда он должен сбежать, а красавица гипнотизерша – тюремщицей, не дающей совершить побег. Она кружит вокруг его кресла, как змея, обвивающая добычу.

– Я говорю с вами не о кратковременной и не о долговременной памяти, мсье Толедано. Речь о глубинной памяти. Даже об очень глубинной. Вместе мы будем искать глубочайшие слои вашей памяти, скрытые под слоями сознания. Вы готовы вскрыть эту глубинную память, делающую вас тем, кто вы есть на самом деле?

О чем она толкует?

– Глубинная память? Извините, я не знаю, что это значит.
– Узнаете, если согласитесь попробовать. Хочу быть абсолютно честной: я впервые провожу этот эксперимент на сцене.

Что?.. Я первый? А вдруг она не справится? Я должен что-то отвечать, на меня все смотрят, я выгляжу смешным. Но давать задний ход поздно.

Помявшись, он утвердительно кивает.

– Что ж, если вы готовы, начнем.

Она подает знак осветителю. Теперь весь свет направлен на Рене, она осталась в полутьме.

– Закройте глаза. Расслабьтесь. Дышите глубже. Вас охватывает сладостное оцепенение, вы готовитесь к новому, приятному переживанию.

Призыв расслабиться всегда меня раздражает. Хорошенькое начало...

– Теперь представьте лестницу. Спускайтесь вниз. Спустились? Перед вами дверь в бессознательное. Видите ее?

Ни черта не вижу.

– Вы слышите меня, Рене? Вы по-прежнему с нами? Ответьте на вопрос: вы видите эту дверь?

Необязательно открывать глаза, и так понятно, что на меня все смотрят. Если я не пойду у нее на поводу, то Элоди обязательно меня упрекнет, что я испортил представление, потому что не люблю гипноз и признаю только классическую магию. Ладно, постараюсь. Что она просит? Ах да, лестница. Спуститься по ступенькам и увидеть... да, дверь в бессознательное.

– Вы ее видите? – снова спрашивает гипнотизерша.

Что-то различаю... Да, наверное, это она, дверь. Может, и дверь.

– Да, вижу.

Вот она.

– Не переставайте со мной говорить. Описывайте в точности, что видите, по мере того, как оно будет появляться. Мы вас слушаем. Итак, на что она похожа, эта дверь в бессознательное?

– Железная, толстая, бронированная, на здоровенных петлях, с огромным ржавым замком.

– Представьте, что я даю вам ключ от замка. Вставляйте его в замочную скважину, поворачивайте. Все, открыли. Нажмите на ручку, медленно толкайте дверь. Получается?

– Нет.

– Старайтесь.

Легко сказать, столько ржавчины! Лучшие бы открыть

глаза и сразу все прекратить. Но нет, чувствую, она не позволит мне так легко увильнуть. Что ж, придется продолжить игру.

– Готово, открылась.

– Bravo, Рене! Перед вами коридор с пронумерованными дверями. Видите их? Можете описать?

– Толстый красный ковер, белые двери, черные цифры на позолоченных табличках.

– Какой ближайший к вам номер?

Не очень-то разглядишь. Надо сфокусироваться.

– 111.

– Это значит, что вы вышли из двери номер 112. Ваша нынешняя жизнь – 112-я. Хорошо. Теперь вам надо выбрать, какую жизнь вы хотите посетить. Четко сформулируйте, что доставит вам удовольствие.

– Что доставит?.. Скажем, та жизнь, в которой я вел себя максимально... героически.

– Прекрасно. Дверь, соответствующая этой героической жизни, осветится красным. Видите ее?

– Да, ее номер 109.

– Значит, она совсем недавняя. Ну же, открывайте.

Как-то я не очень уверен...

– Вперед, Рене. Я здесь. Здесь все мы, мы вас поддержим.

Раз так, придется идти до конца.

– Открыл.

– Опишите подробно все, что вы видите, слышите, чув-

ствуετε за этой дверью 109, Рене.

Глаза под веками движутся, Рене вздрагивает, на его лице острое изумление. Немного погодя он произносит:

— Я вижу свои...

2.

— ...руки.

Он продолжает обследование, сообщая о своих открытиях по мере их совершения.

Сознание Рене различает руки, отходящие от тела, в котором он находится. Пальцы в шрамах, ногти черны и обломаны. Кисти, торчащие из голубых рукавов, принадлежат, похоже, молодому человеку. Над ним ночное небо. Он достает из кармана зажигалку, щелкает ею и освещает огоньком свои часы. Стрелки показывают 5:35.

Он видит людей вокруг. На всех одинаковая голубая форма. Как историк он без труда опознает в ней французское обмундирование времен Первой мировой войны. От дыхания людей в морозном воздухе висит мутный пар. Они сидят в траншее глубиной два метра с обложенными досками стенами. Воняет гнилью и горелой плотью. Рене чувствует во всем теле окоченение.

Что я здесь делаю?

Унтер в кепи и с нашивками объявляет перекличку. Звучат фамилии и имена.

Услышав «капрал Ипполит Пелисье», он, к своему удивлению, отвечает:

– Я!

Вывод: в той, старой, жизни его звали Ипполит Пелисье.

Унтер-офицер проверяет своих подчиненных. Подойдя к Ипполиту Пелисье, он смотрит на его личный значок и говорит:

– Послушайте, капрал, мне знаком ваш послужной список, но потрудитесь все же позаботиться о своей внешности. Она должна быть безупречной. Может, убьют, может, нет, но опрятность никто не отменял. Извольте причесаться, пока не нагрянуло начальство.

– Слушаюсь, сержант.

Ипполит удаляется в туалетный угол, где, глядя в зеркальце, быстро приводит в порядок волосы, закрепляя слюной чуб. При этом нынешний Рене Толедано видит, каким он был внешне в своей прежней жизни, в жизни Ипполита Пелисье.

Это я?

Ему не больше 20 лет. Навощенные кончики усиков торчат вверх. Глаза серые, волосы черные, губы тонкие, на подбородке ямочка. Глядясь в зеркало, он как будто успокаивается. Вихры требуют еще слюны. Громовой голос сержанта отрывает его от изучения собственной внешности.

– Что вы там застряли, капрал? Нашли время корчить из себя Нарцисса! Марш на позицию, сейчас будет инспекция!

Ипполит Пелисье торопится в строй и равняется с осталь-

ными солдатами. Сержант приказывает проверить винтовки и пистолеты. Щелкают затворы. Наконец объявляют о появлении генерала. Он весь в галунах и медалях, окружен старшими офицерами. Стоя на ящике, он обращается к личному составу:

– Сегодня, 16 апреля 1917 года, здесь, близ города Лана, мы решили перейти в наступление и смять оборонительные порядки немецкого фронта. Неприятель удерживает Дамскую дорогу. Пехота будет продвигаться на сто метров вперед каждые три минуты. Это немного быстрее, чем в Вердене, где мы при схожих условиях сумели отбить форт Дуомон. Мы применим ту же тактику, доказавшую свою успешность. Затем впервые вступят в бой танки «Шнейдер», они ударят врагу в тыл и облегчат задачу пехоты. Цель – достигнуть до наступления темноты южного предместья Лана.

Ипполит поднимает руку:

– Господин генерал!

Ретивые офицеры готовы заткнуть выскочке рот, но Нивель показывает величественным жестом, что готов его выслушать.

– Как там поживают боши? – интересуется Ипполит.

Полководец усмехается:

– Разве вы не слышали все эти дни залпы наших пушек? На них валится град наших снарядов, произведенных в Сент-Этьене. Могу даже привести точные цифры: 5310 наших орудий уже выпустили пять миллионов снарядов малого ка-

либра и полтора миллиона крупного. По всей видимости, три четверти неприятельских порядков уничтожено. Остается только завершить начатое. Немцы несут потери, они измотаны. Они смогут оказать нам лишь слабое сопротивление. Вы подниметесь на этот холм и покончите с ними. Так мы, точнее, вы положите решающей победой конец этой изнурительной войне. После этого тевтонские захватчики уберутся восвояси, а вы героями вернетесь домой, к женам, родным, друзьям, и воцарится мир, как раньше.

Генерал Нивель делает выразительную паузу. Он смотрит на офицеров и мощным голосом провозглашает:

- Час пробил. Уверенность, отвага! Вив ля Франс!
- Вив ля Франс! – дружно звучит в ответ.
- Будьте героями! – заключает генерал.
- Все по местам! – командует сержант. – Приготовиться к наступлению!

Ипполит проверяет кинжал и фляжку. Для апреля очень холодно. Всю ночь шел снег. Солдаты выдыхают все больше пара. Справа от Ипполита Рене видит сенегальцев. Те так дрожат от холода, что слышно клцанье зубов.

Сержант орет:

- Приготовиться!

Большинство солдат хватаются за фляжки и пьют для храбрости ром. Что до Ипполита, то у него во фляжке красное сицилийское вино. Это единственная его причуда, но он крепко за нее держится. Перебродивший виноградный сок

его согревает и успокаивает.

На горизонте проклевывается заря. Вокруг носятся птицы, безразличные к людским причудам. Ожиданию не видно конца, всем хочется поскорее выбраться из опостылевших крысиных нор. Наконец ровно в 6 часов раздается пронзительный сержантский свисток, справа и слева по траншее ему вторят другие свистки.

Ипполит одним из первых вылезает по лестнице из окопа. Склон холма крутой, но подниматься по нему можно. Внезапно наползает туча, становится еще сумрачнее, припускает дождь. Заснеженная земля превращается в скользкую грязь.

Слева от Ипполита танки «Шнейдер» один за другим вязнут в грязи. Первые метры пехотинцы преодолевают без сопротивления, под пальбу пушек, утешающих остатки неприятельских оборонительных позиций. Наверху холма часто вздымаются желтые фонтанчики взрывов, сопровождаемые столбами дыма. Пехотинцы, осмелев, ускоряют бег и достигают проволочных заграждений. Саперы пускают в ход кусачки и методично режут проволоку. Пусть свободен.

Можно лезть дальше. Внезапно очереди из вражеского пулеметного гнезда начинают косить вырвавшихся вперед солдат. Ипполит и его товарищи падают на землю и пытаются целиться в темные каски, высовывающиеся из-за укрытий впереди. Раненый солдат, забежавший дальше всех, срывает чеку с гранаты. Бросок. Немецкие солдаты в пулеметном гнезде выведены из строя. Выскакивающих наружу раненых

и покалеченных быстро добивают. Дождь усиливается.

– Вперед, вперед! – кричит сержант, сопровождая крики свистками.

Подъем продолжается недолго: оживает новое пулеметное гнездо, теперь надо зачистить его. Французская артиллерия утюжит вершину холма, дождь делает землю все более скользкой, осложняя задачу. Появляется группа неприятельских солдат, Ипполит с товарищами прижимается к земле. Теперь противник стреляет более метко. Ипполит подбирает вражескую гранату и швыряет ее примерно туда, откуда она прилетела. Он чувствует биение крови в висках, дыхание спирает.

– Быстрее! Вперед! – вопит сержант, предусмотрительно прячущийся за спинами подчиненных.

Голубые выдирают себя из липкой грязи и бегут. Впереди беспорядочные очереди. Солдаты падают один за другим, голос сержанта не умолкает:

– Вперед, вперед! Проклятие!

Потом голос сержанта становится угрожающим:

– Трусов, повернувших назад, ждут пулеметы, установленные внизу специально для них. Если их не достанут эти очереди, то они будут расстреляны как дезертиры!

Звук сержантского свистка не столько гонит вперед, сколько бесит. Потенциальных дезертиров валят очереди из французских окопов. Ипполит убеждается, что ни наступать, ни отступать уже не выходит. Он и его товарищи по оружию

раздумывают, как быть. Снизу к ним приближаются какие-то солдаты. Ипполит не может толком их разглядеть из-за дождя. Он надеется, что это подкрепление, но его ждет горькое разочарование. Его товарищей косит огонь врага, подобравшегося с тыла. Теперь французские солдаты зажаты между двух огней. Наконец сержант, прячущийся за горой трупов, командует атаковать неприятеля, ударившего им в спину.

Солдаты подчиняются, но их маневр только увеличивает потери. Их окружает стена огня. Тем временем светает. Французы уничтожают всех немцев, подобравшихся снизу, но слишком дорогой ценой...

Из всех атакующих в первой волне в живых остался один Ипполит. Он чувствует себя не героем, а загнанным зверем. Он должен на что-то решиться. Он задыхается, сердце бьется как сумасшедшее. Лезть дальше по склону – значит одному атаковать вражеские пулеметные гнезда. Спускаться – значит рисковать быть принятым за дезертира.

Тогда он ползет по следам немцев, заходивших с тыла, и обнаруживает тоннель, вход в который замаскирован кучей земли. Такие тоннели ему знакомы: ему приходилось обследовать подобные ходы в качестве лазутчика. И французские, и немецкие саперы превратились в кротов, роющих галереи и подкладывающих взрывчатку под неприятельские позиции.

Ипполит лезет внутрь. Ступеньки ведут в подземный коридор. Своды коридора подперты бревнами. Ясно, что нем-

цы давно здесь обосновались и наделали прочных галерей, чтобы быть неуязвимыми для французской артиллерии и атаковать отсюда свежими силами. До вершины холма еще далеко, и обстрелы последних дней, вопреки расчетам Нивеля, не повредили эти укрепления.

Продвигаясь дальше по тоннелю, Ипполит натывается на ящики со взрывчаткой. Слышен какой-то шум, он прячется в углу и видит немецкого солдата. Пропустив его вперед, он нападает на него сзади, зажимает ему ладонью рот и перерезает горло. Он действует просто, четко, эффективно. Из сонной артерии солдата брызжет теплая кровь. Ипполит убирает руку, и тело падает, как тряпичная кукла.

Кто-то зовет: «Heinrich! Wo bist du? Was passiert? Heinrich!»³ Ответа нет. Прибегает другой солдат. Ипполит нападает на него тем же способом и так же быстро приканчивает его. Его форма залита вражеской кровью.

Снова слышатся голоса. Двое тащат ящик со взрывчаткой. Внезапно напав на них, Ипполит без труда закалывает одного, но второй, рослый здоровяк, обхватывает его ручищами. Юркий Ипполит бьет его локтем в живот, выворачивается и угрожает ему кинжалом. Теперь они стоят лицом к лицу.

Оба тяжело дышат, удерживая друг друга на расстоянии. Противник тяжелее, сильнее, но не так подвижен. Ипполит несколько раз достает его кинжалом, но порезы недостаточно глубоки, чтобы вывести его из строя. Немцу удастся вы-

³ «Генрих! Где ты? Что происходит? Генрих!» (нем.)

бить у него кинжал, повалить и прижать своим весом к земле. Ипполит из последних сил отводит от лица его руку с кинжалом и своей свободной рукой сжимает ему кадык, но пальцы то и дело соскальзывают с жирного подбородка.

Поединку не видно конца. Ипполит задыхается от кислого духа изо рта противника, их лица разделяют считанные сантиметры. По лбу у него струится пот. Острие кинжала неумолимо приближается к его правому глазу. Он стискивает немцу горло, но на большее у него уже нет сил, лезвие входит ему в правый глаз и под сухой треск кости протыкает мозг.

3.

Рене Толедано резко просыпается, глаз у него дергается от тика.

– Нет! Не смейте открывать глаза, подождите! – торопливо предупреждает гипнотизерша. – Это как при нырянии: из гипнотического транса тоже надо выходить поэтапно. Закройте глаза.

Но учитель истории пренебрегает ее советами. Как видят все зрители, он очень бледен, дышит толчками, дрожит всем телом. Со злобным криком он вскакивает, покидает сцену, бежит к выходу. Элоди, его подруга, пытается его остановить, но он отталкивает ее и выбегает из двери «Ящика Пандоры». Он мчится по прямой по нижнему уровню набережной Сены, непроизвольно моргая правым глазом. Так про-

должается долго. Наконец он выдыхается и наклоняется над водой. У него приступ рвоты.

Дерганье правого века постепенно проходит. Он вспоминает генерала Нивеля, предрекавшего верную победу: «Будьте героями!»

Болтун! Мы были баранами, подгоняемыми слепыми пастухами.

Он понимает, что его подозрение оправдалось: гипнотизерша не владеет всей техникой погружения в бессознательное. Она поставила на первом попавшемся испытуемом неконтролируемый эксперимент. Она не управляла погружением ныряльщика, как потом не управляла его всплытием, а главное, не сумела исполнить его желание пережить радостное мгновение из своего прошлого.

Напрасно я на это клюнул. Она окунула меня в кошмар на глазах у зрителей, которые наверняка сочли меня жалким, вот и все.

Перед его мысленным взором прокручиваются, как кинофильм, эпизоды наступления на Дамской дороге, хотя уже без жутких физических ощущений: холода, дрожи земли от разрывов снарядов, запаха пороха и горелого мяса. Но он все это чувствовал, не мог же его мозг это изобрести!

Стоит ему вспомнить боевого товарища, чью ногу оторвало и далеко отбросило взрывом, как он снова корчится в рвотной судороге.

– Эй ты!

Рене поднимает голову. К нему приближается парень со всеми атрибутами скинхеда: военная куртка, бритая башка, военные башмаки, пирсинг в носу и в ушах.

– Живо гони бабки!

У парня сильный немецкий акцент и нацистские татуировки по всему телу: свастика, череп, символы СС.

Он достает выкидной нож. Рене пятится, но позади него нет ничего, кроме реки.

Скинхед наступает.

– Сказано тебе, давай кошелек!

Учитель истории все явственнее чувствует, как сильно от парня разит пивом. Он в оцепенении, не может ни шелохнуться, ни что-либо сказать.

– Тебе же хуже. Я заберу бабло с твоего трупа, а его сброшу в реку, рыбам на закуску.

Он скалится, показывая свои золотые зубы, потом стискивает челюсти и грозно наступает, выставив нож.

Это сон. Новый кошмар, современный. Или я все еще под влиянием гипнотизерии. Похоже на реальность, но нет, все это происходит в моем воображении. Надо подождать, и он исчезнет. 10... 9... 8...

Скинхед пытается пырнуть Рене Толедано ножом, тот почти машинально отскакивает в сторону. Лезвие царапает ему руку. Ощущение ожога, кровь. Он смотрит на свою руку, как на чужую.

Если это сон, почему мне больно?

Второй удар Рене удастся отразить, выбросив вперед скрепленные руки. Потом учитель истории инстинктивно хватается скинхеда за запястье, выворачивает, заставляет выронить оружие. Пока противник не опомнился, он делает подсечку и едва не валит его на булыжник. В Рене Толедано просыпаются неведомые ему раньше боевые умения.

Ударом ноги он отправляет нож в реку. Вzbешенный скинхед бранится по-немецки. Он нагибает голову, как собирающийся атаковать бык. В его кулаке появляется второй нож, с более длинным и широким лезвием, до того спрятанный в ножнах на икре. Пробегающие мимо крысы замирают, им любопытно понаблюдать за дракой двуногих самцов.

Скинхед снова бросается на учителя. Рукопашная. Они падают и катаются по булыжникам, силясь больнее ухватить друг друга, исцарапать, укусить. Оба пучат глаза, кривят рот. Их разделяет лезвие: один пытается пырнуть другого, другой раз за разом отводит удар.

Потом Рене Толедано рывком оборачивает оружие против его владельца: неловко перевернувшись, тот сам падает грудью на свой кинжал.

О нет.

Учитель истории убирает руки, раненый пытается встать; из его груди торчит рукоятка кинжала; он ухмыляется, но попытка встать не удастся, он падает на колено, потом валится ничком. Лезвие входит еще глубже.

Нет, нет, нет, нет, нет.

Крысы удивлены, что все так быстро кончается.

Рене осторожно приближается к поверженному противнику, боясь, что тот притворился мертвым. Он переворачивает скинхеда, у того широко распахнуты глаза, он не шевелится. Из сомкнутых губ стекает струйка крови.

Этого не было, это неправда, сейчас я очнусь от этого кошмара.

Но ожидание не оправдывается, и Рене Толедано подносит ко рту и к носу скинхеда ладонь в надежде, что он еще дышит, трогает грудь и убеждается, что она не приподнимается. Он щупает ему пульс, но пульса нет.

Похоже, это уже не гипноз и не сон... Это происходит здесь и сейчас, в этой жизни.

Сердце Рене бьется так, что грозит проломить ребра, он тяжело дышит, во рту горечь. Он пятится, ему хочется уйти от трупа подальше, он озирается в страхе, что будет замечен.

Что я натворил?!

Он смотрит на тело своей жертвы, на не прекращающую течь кровь. Крысы, почуяв кровь, подбираются ближе, он отгоняет их пинками.

Ужасно. Надо заявить в ближайшее отделение полиции. Это была законная самозащита. Дня не проходит, чтобы кому-нибудь не угрожали в темном углу. Я сделал это, защищая свою жизнь.

Он вертит головой. Здесь, в западной части течения Сены, вдали от центра Парижа, мало туристов и вообще прохожих.

Я должен сказать правду.

Он не может отойти от трупа скинхеда.

Полицейские мне не поверят. Они решат, что я намеренно зарезал клошара. Ничто не доказывает, что это была самооборона.

А пораненная рука? Нет, это просто царапина, меня поднимут на смех.

Он озирается и не видит ни души. Повинуясь интуиции, он подтаскивает убитого к самой воде. Вытащив из груди нож, он бросает его далеко в реку, потом ногой сталкивает тело с берега.

Что со мной происходит? Я убил человека, а теперь избавляюсь от тела, топя его в реке.

С виднеющейся вдали баржи «Ящик Пандоры» доносятся регулярные взрывы аплодисментов. У Рене опять начинает дергаться правый глаз.

Надо же было угодить в такую передрагу!

Он находит свой автомобиль, оставленный неподалеку, и уезжает в ночь.

Разочарованные крысы лижут лужицу крови – единственный след драки, им приходится по вкусу сохранившийся привкус пива.

4.

Вернувшись домой, Рене захлопывает входную дверь и

долго стоит, прижавшись к ней спиной, как будто боится, что за ним крался недруг. Потом он запирает дверь на все замки. Его ждет привычная обстановка квартирки в XV округе, у станции метро «Шарль-Мишель».

В гостиной над ним дружно потешается его коллекция масок со всего мира, как потешалась публика в «Ящике Пандоры». Наиболее свирепы японская маска из театра кабуки, африканская из племени бауле и карнавальная венецианская.

Он никак не восстановит дыхание.

Я убил человека!

Рене идет в ванную, моет руки, брызгает себе в лицо ледяной водой. Дезинфицирует ранку на руке, не потрудившись ее перевязать. Засовывает окровавленную одежду в стиральную машину и смотрит на себя в зеркало над раковиной. Резким жестом, как Ипполит, он отбрасывает со лба прядь волос. Снова этот чертов тик на правом глазу.

– Кто я? – спрашивает он вслух у своего отражения.

Я себя не узнаю. Кто этот тип в зеркале? Неужели я? Почему у меня это тело, это лицо? Соответствует ли эта видимость тому, кто я есть на самом деле? Кто он, мнящий себя героем, а на самом деле форменное чудовище? Во всем этом повинна моя глубинная память, тайный погреб, который я ни в коем случае не должен был открывать.

К горлу подкатывает тошнота.

– Кем я был? – спрашивает он.

Он не смеет озвучить свои мысли.

Я был убийцей, это забылось, а теперь вспомнилось, и вот я снова прежний.

В его голове всплывают все немцы, которых он хладнокровно зарезал в подземном тоннеле.

Это было на войне. Тогда это позволялось. Это и был героизм.

Предательски дергается правый глаз. Он жмурится, давит пальцами на веки.

Сколько он себя помнит, с самого раннего детства, Рене мечтал о спокойной жизни. Он хорошо учился, все ему было любопытно. Мать тоже была учительницей, преподавала точные науки. И учила сына нравственности: «Поступишь плохо – скажи. Признался – уже наполовину прощен. Нельзя врать и увиливать. Заруби себе на носу, Рене: повинную голову меч не сечет».

Его отец преподавал историю. Это он научил сына обходить придуманные обществом рамки. По мнению отца, лучшим способом понять перспективу собственного существования было разобраться в том, что он называл «прошлым своего стада».

Когда Рене был ребенком, отец, Эмиль, потчевал его рассказами из истории и прививал ему вкус и любопытство к жизни предков. Отец указал ему жизненный путь, и Рене естественным образом зашагал по нему.

Благодаря отцу он загорелся страстью к древнегреческой

мифологии, к великим латинским текстам, к средневековым сказаниям. Отец рассказывал ему о великих сражениях, а потом, помолчав, брал за руку и торжественно провозглашал:

– Знай, сынок, война, настоящая война, – это ужас. Это несчастные люди, вслепую убивающие друг друга. Это продолжается в госпиталях, где угасают изувеченные, в тюрьмах, где заживо гниют в клетках невиновные. Поверь, в сражениях нет ничего возвышенного, никакой красоты. Тем не менее в истории остаются по большей части как раз они. Жаль. Я бы предпочел историю, где сохранились мгновения удовольствия и радости. Но это никого не интересовало.

Как-то раз, вернувшись из школы, Рене (ему было тогда лет 11) сказал отцу:

– Папа, нам задали запомнить «1515, Мариньяно», но почти ничего не говорят о той битве. Почему? Где это Мариньяно? Зачем оно было?

– Хороший вопрос, сынок. Мариньяно находится на севере Италии. Наш молодой король Франциск I хотел укрепить свой статус, он ведь происходил из незаконной ветви. Вот и ждал возможности о себе заявить. Воспользовавшись слухами о бесчинствах знати на севере Италии, не признававшем папу, он проявил рвение и предложил понтифику усмирить два города, слывших Содомом и Гоморрой. Он перешел через Альпы и вступил в Северную Италию. Миланцы и туринцы выставили против него армию швейцарских наемни-

ков. Хоть Мариньяно и находился в Италии, в битве сошлись французы и швейцарцы. Победителя в битве не было. Две армии безуспешно искали друг друга в тумане, среди снегов. В конце концов из-за совсем слабой видимости обе они буквально покончили с собой, ошибочно приняв свои войска за неприятельские. Поутру швейцары как чуть более смысленные настигли французов и были уже близки к победе, но тут французы получили подкрепление – венецианцев. Напав на швейцарцев, они в последний момент все же их одолели. После этого французы ушли из Италии.

– Значит, эта битва была бессмысленной, папа!

– В тот день много бедняг умерло в снегах ни за что. Все это было голой пропагандой. Ну да, Франциск I сделал себе рекламу, провозгласив себя великим победителем в сражении при Мариньяно, и прослыл великим полководцем-харизматиком. О решающем вмешательстве венецианцев все забыли, и Франциск I объявил подданным, что он не просто законный, а великий король-завоеватель. Урок, который можно из всего этого извлечь, сын мой, таков: важно не то, что достигнуто на самом деле, а то, что об этом напишут историки.

– Выходит, историки всех сильнее? Ты поэтому историк, папа?

Вместо ответа отец продолжил:

– Потом Франциск I убедил себя, что действительно одержал победу в битве и что обладает способностями блестя-

щего стратега. Поэтому он пошел войной на главного своего соперника, императора Карла Пятого. В 1525 году грянула битва при Павии, в ней король был разбит в пух и прах и пленен. За его освобождение был выплачен огромный выкуп, разоривший страну. После этого он бросил воевать и посвятил себя живописи, музыке и легкодоступным женщинам. Отсюда его репутация короля-мецената и соблазнителя. Ну а если вернуться к Мариньяно, то ученики и учителя знают об этой битве в основном потому, что цифру 1515 легко запомнить!

Для Рене этот разговор стал откровением.

– Жюль Мишле не помог делу, – сказал еще отец. – В 1849 году он написал большую историю Франции, ставшую безукоризненным справочником, содержащим все то, что следует знать и говорить о нашей истории. Это он отобрал решающие сражения, королей, которых считал важными и неважными, он истолковал факты. Только он все исказил в угоду собственным политическим взглядам, и никто потом не посмел ему перечить.

Рене усвоил, что все известное нам о прошлом – это пропагандистская карикатура, распространяемая историками ради удовольствия могущественного заказчика. После поучительной беседы о Мариньяно он завел папку под названием «Мнемозина», в которой стал собирать истинные, но малоизвестные версии исторических событий, которые жаль было бы забыть. Последующие важные разговоры с Эмилем

на другие столь же удивительные темы не прошли зря: заветная папка сохранила их следы.

Однажды Рене спросил отца:

– Папа, почему ты не говоришь на уроках того, что рассказываешь мне?

Эмиль серьезно посмотрел на сына:

– Запомни хорошенько: нельзя просто так взять и обрушить людям на голову то, что произошло на самом деле. Привыкшему ко лжи правда всегда кажется подозрительной.

Тогда Рене дал себе обещание: «Вырасту – тоже стану учителем истории, только я не побоюсь говорить всем правду. Если люди не будут мне верить, то тем хуже для них».

Пенелопа, его мать, видя любознательность сына и зная о его договоре с отцом, не пожелала оставаться в стороне. Она тоже принялась снабжать его сведениями из своей научной сферы: она рассказывала ему, как работает мозг и откуда взялась жизнь. Она была женщиной нервной, много курила. Спустя годы она умерла от рака легких. После ее смерти Эмиль впал в депрессию. Тогда у него впервые возникли провалы в памяти. Входя в комнату, он не помнил, что его туда привело. Он забывал начало фраз: «Так о чем мы? Что был за вопрос?» Он забывал шифр кодового замка на двери. Однажды потерялся и не смог вспомнить собственный адрес. Ему было всего 55 лет. Он обратился к неврологу и услышал диагноз-приговор, страшное немецкое слово. Определенно, с этой страной у их семьи были связаны одни

несчастья. «Альдгеймер»! Отец немедленно, не дожидаясь пенсионного возраста, ушел с работы.

Рене, 23-летнему студенту, пришлось подписывать бумаги о помещении отца в специализированную клинику Parillons⁴. Девизом этого учреждения была фраза «Память – это всё», эмблемой – треснутый череп с вылетающими оттуда бабочками, символизировавшими, без сомнения, воспоминания.

С тех пор Рене раз в неделю, а то и чаще, навещал отца. Беседуя с ним, он наблюдал, как мир отца скукоживается, подобно шагреновой коже. Эмиль судорожно подыскивал слова. Начиналось с имен: «Погоди, как зовут президента Республики?», «Как звали твою мать?», «Тебя-то как зовут?..». Следом за именами стали теряться обычные слова: «Как называется эта штука, ее крутят для открывания бутылок?», «У тебя есть стеклянный шарик, он дает свет, как же он называется, такой, с электрическим огоньком внутри?».

У Рене возник новый повод тревожиться: у него было впечатление, что, наблюдая отцовскую деградацию, он видит, как завершатся его собственные дни. Ведь эта болезнь считалась наследственной. Поэтому его волновали недавно начавшиеся провалы памяти у него самого. Собственный мозг казался ему дырявым рюкзаком, из которого вываливаются мелкие предметы и который рвется все сильнее; скоро начнут выпадать крупные предметы, а потом вообще все, все

⁴ Бабочки (фр.).

воспоминания, все лица, фамилии, имена, штопоры, лампочки, все до одного слова.

Для отца все исчезает. Все исчезнет и для меня. Это дело времени.

До этого вечера он цеплялся за свою память, как потерявший кораблекрушение – за бревно. Он спокойный человек, хороший работник, живущий устоявшейся жизнью, друг Элоди, увлеченный своим делом преподаватель истории, на хорошем счету у руководства, будущий пенсионер – с дамочным мечом под названием «Альцгеймер» над головой.

Все так и было еще час назад, до открытия этой его глубинной памяти. До того, как с ним произошло неожиданное, заставившее его открыть скрытую часть себя самого.

За бронированной дверью моего бессознательного притаился убийца. Память, прятавшаяся за привычной памятью, вытянута, как пинцетом, гипнотическим сеансом. Не прими я в нем участия, так и продолжил бы жить, не имея к ней доступа.

Он снова подставляет лицо под струю ледяной воды.

Я должен знать.

Он включает компьютер и пишет в строке поиска «Битва на Дамской дороге».

Выясняется, что линия фронта тянулась в те дни от Суассона до Реймса. Первая атака французов против германских порядков началась в 6 утра 16 апреля. У французов было 850 тысяч человек, у германцев 680 тысяч. Французскими

силами командовал генерал Нивель. После боя выяснилось, что немцы, укрепившиеся на этом рубеже еще в 1914 году, создали разветвленную сеть укрепленных подземных галерей, обеспечивавших сообщение между тылом и передовой. Поэтому, невзирая на усиленный артобстрел гребня возвышенности, французские пехотинцы оказались в клещах у неприятеля, вылезшего у них за спинами из тоннелей. Только в первый день наступления потери достигли 150 офицеров и 5000 солдат, половина из которых были сенегальскими стрелками. Вопреки обещанию генерала Нивеля, что наступление продлится максимум два дня, оно затянулось на полгода, до 24 октября, и стоило жизни 187 тысячам французов и 163 тысячам немцев.

При этом, как убеждается Рене, никто никогда не пытался подвести итог этой колоссальной стратегической ошибки. Энтузиазм победы позволил забыть, что эта страшная битва оказалась не только смертоносной, но и бесполезной.

Во Вторую мировую войну, по прошествии 21 года, французские военачальники, удовлетворенные Первой, готовились к новой окопной войне. Они не предвидели, что немцы сделают ставку на танки, что позволит им быстро и без труда обойти французские оборонительные позиции.

Вот какую цену приходится платить за невыученные уроки прошлого.

Рене Толедано ищет в интернете официальный список погибших в Первой мировой войне. Выясняется, что капрал

Ипполит Пелисье – это реальный человек, погибший в возрасте 23 лет во время наступления на Дамской дороге.

На всякий случай Рене ищет фотографии Ипполита Пелисье – и находит. Человек на снимке очень похож на того, кого Рене видел при погружении в прошлое: те же серые глаза, те же усики, те же тонкие губы, та же ямочка на подбородке. Рене возвращается на страницу капрала.

Ипполит Пелисье входил в число лазутчиков, выполнявших опасные задания за линией фронта. Он считался образцовым солдатом, уничтожившим в прошлых вылазках более десятка неприятельских военнослужащих. Он погиб в тоннеле и был посмертно награжден.

Он был героем. Быть героем – не лучшее решение. Герои гибнут первыми. Выживают трусы, прячущиеся от пуль.

Потом они производят потомство и умирают естественной смертью. Они – те, кто рассказывает свои версии происшедшего. Настоящих героев нет в живых, и они не могут опровергнуть выдумки.

Он снова вглядывается в фотографию молодого погибшего солдата.

Представить только, этот убийца сидел в моем подсознании. Вот только на войне убивать врагов кинжалом – это героизм, а то, что совершил я, называется преступлением.

Фотография Ипполита Пелисье не дает ему покоя. Ему кажется, что его воплощение глядит на него сквозь время.

Никогда не хотел прерывать чужие жизни. Никогда не получал от этого удовольствия.

Я убивал, выполняя приказы старших по званию. Убивал, защищая родину от вторжения чужестранцев. И только что опять убил, спасая свою жизнь. В порядке законной самообороны.

Он смотрит на свое отражение в экране компьютера.

Два разных тела на одну душу?

Он вздыхает.

В полицию, в полицию. Прямо завтра с утра.

Он ложится, но ему не спится, остается лежать с открытыми глазами.

Весь остаток жизни провести в тюрьме за убийство? Просто потому, что после сеанса гипноза из моей глубинной памяти вынырнуло мое старинное «я».

В окно на него с укоризной смотрит, как огромный материнский глаз, полная луна.

Повинную голову меч не сечет.

Он пытается забыть о случившемся, погружаясь в сон.

5.

«Мнемозина». Лета, богиня забвения

Согласно греческой мифологии, богиня ночи Никта произвела на свет Гипноса, бога сна (отсюда слово

«гипноз») и его брата-близнеца Тонатоса, бога смерти (отсюда «танатопрактика» и «танатонавт»). Тонкое различие между двумя братьями дарит возможность пробуждения.

Гипнос, в свою очередь, породил Морфея (от него пошло слово «морфология»), божество, чье предназначение – усыпление смертных. Он прикидывается знакомыми существами, внушающими спокойствие и помогающими заснуть.

Кроме внука Морфея у Никты есть внучка Лета, воплощение забвения. Ее часто путают с одноименной рекой в аду, воды которой позволяют душам забыть, кем они были, чтобы безмятежно возродиться в будущем.

Об этом говорится у Вергилия в VI песне «Энеиды», где Эней находит в Элизии своего отца Анхиза:

«Что за река там течет – в неведение он вопрошает, —

Что за люди над ней такой теснятся толпою?»

Молвит родитель в ответ: «Собрались здесь души, которыми

Вновь суждено вселиться в тела, и с влагой Летейской

Пьют забвенье они в уносящем заботы потоке.

Эти души тебе показать и назвать поименно

Жажду давно уже я...»

**«Мыслимо ль это, отец, чтоб отсюда души
стремились**

**Снова подняться на свет и облечься тягостной
плотью?»**

<...>

**«Даже тогда, когда жизнь их в последний час
покидает,**

**Им не дано до конца от зла, от скверны телесной
Освободиться...**

...Одни, овеваемы ветром,

Будут висеть в пустоте...

**Чтобы немногим затем перейти в простор
Элизийский.**

**Время круг свой замкнет, минуют долгие сроки, —
Вновь обретет чистоту, от земной избавленный
порчи,**

**Душ изначальный огонь, эфирным дыханьем
зажженный.**

**Времени бег круговой отмерит десять столетий, —
Души тогда к Летейским волнам божество
призывает,**

**Чтобы, забыв обо всем, они вернулись под своды
Светлого неба и вновь захотели в тело вселиться»⁵.**

⁵ Пер. с латинского С.А. Ошерова.

6.

Тучи постепенно расступаются перед розовым солнцем. Голуби под окном шумно предаются любовным играм. Рене Толедано так и не уснул. На часах уже 7:30. Он встает, смотрит на себя в зеркало в ванной. Он бледен, под глазами круги.

Вчера я совершил непоправимое. С минуты на минуту сюда нагрянет полиция. А может, они дождутся, пока я заявлюсь в лицей, и арестуют меня прямо на работе, на глазах у учеников. Вот будет унижение: человек, призванный учить молодую поросль уму-разуму, оказался не в силах взять в руки себя самого и, подстегиваемый животным инстинктом, совершил непоправимое.

Он, поборник скромности, уже видит газетные заголовки: «Учитель истории оказался убийцей бездомного».

Весь дрожа, он твердит про себя: «Наверное, лучше всего было бы явиться с повинной. Это может сыграть мне на руку: я буду настаивать, что воспользовался правом на самооборону».

Он быстро одевается, хватая сумку, прыгает в машину и мчится в ближайшее отделение полиции.

Перед зданием полиции он несколько минут стоит, глядя на входную дверь, на мельтешение людей в форме цвета морской волны.

Поверят ли мне?

Подъезжает фургон, из него выводят мужчину в наручниках. Он сопротивляется и осыпает полицейских бранью.

– Отпустите! Он сам ко мне прицепился, я только защищался!

Рене напуган.

Они решат, что я укокошил бомжа из чистого удовольствия, как в «Заводном апельсине». То, что выбросил в Сену оружие убийства и толкнул туда же труп, – этоотягчающие обстоятельства. Огребу не меньше десятки!

Он торопится уехать. В пути, чтобы отвлечься, включает радио. Ведущий начинает с результатов футбольных матчей. Парижская команда выступила неплохо, хотя ее капитана поймали в злачном месте за употреблением наркотика. Наступает очередь войны в Сирии. Тамошний диктатор, похоже, снова прибег к отравляющим газам, чтобы превратить в беженцев собственное мирное население. Организации помощи пострадавшим, предоставившие доказательства химической атаки, сообщают о сотнях погибших. Многие страны требуют официального осуждения, но Россия и Иран, открыто поддерживающие диктатора, наложили вето. Представитель сирийского правительства утверждает, что повстанцы отравились сами, чтобы привлечь внимание мировой общественности.

Забастовка всех транспортников страны продолжится до выходных. Профсоюзы отвергают президентскую реформу.

Президент заявил, что не уступит. Конфликт грозит затянуться.

День памяти геноцида армян в 1915 году. Турецкий президент предупредил, что со всеми странами, которые признают то, что он называет «исторической ложью о геноциде армян», Турция автоматически разорвет дипломатические и торговые связи. Он отрицает, что турецкая армия убила полтора миллиона человек, и призывает к уличной демонстрации протеста против «убийства турок армянами в 1915 году». Армянское правительство призвало все страны мира набраться смелости и предпочесть истину выгоде от экономических и дипломатических связей с Анкарой.

Происшествия. Еще три 20-летние женщины погибли в Париже от употребления GHB, гамма-гидроксibuтирата, он же «эликсир забвения» или «снадобье насильников». Употребление GHB приводит к летальному исходу при передозировке либо отбивает у жертв насилия память о случившемся с ними и не позволяет описать внешность насильников.

Погода: впереди несколько солнечных дней. Опасность засухи на протяжении всего сентября.

Выпуск новостей завершается результатами лотереи.

Рене Толедано облегченно переводит дух. О выловленном в Сене трупe не сказано ни слова.

Возможно, они его вообще никогда не найдут. Или им плeвать. Дня не проходит, чтобы в реку не упал пьяный без-

домный. Эта информация живет в единственном месте – в моей памяти. Достаточно забыть – и все будет так, словно этого не происходило.

Он чуть не сталкивается с машиной справа, водитель которой выпаливает в его адрес очередь брани:

– Пропусти помеху справа, козел! Забыл правила, что ли?

Он прав, даром на фасаде отцовской клиники написано: «Память – это всё». Я должен сохранять сосредоточенность. Жить в настоящем, забыть прошлое. От этого зависит выживание. Того, кого нет в памяти, не существует. Его больше нет.

Вчера вечером я угодил на сеанс гипноза, и на мне поставили новый эксперимент. Сама экспериментатор плохо к нему подготовилась. Я ушел домой, отдохнуть, не дождавшись конца представления.

Вот и все.

Он твердит про себя эту версию, как мантру.

Больше ничего не было.

7.

Рене Толедано ставит машину на стоянку лица Джонни Холлидея. У входа в лицей стоит статуя идола молодежи, умершего в 2017 году. В руках у него гитара, на бетоне выгравированы слова из одной из его наименее известных песен, «Я читаю», – его символ веры, побуждающий юно-

шество интересоваться письменным словом. Когда Рене появился здесь впервые, его поразили эти исполненные наивности слова, преподносимые ученикам как плод размышлений античного мудреца. Тогда он сказал себе:

Лицей Джонни Холлидея – а почему не лицей Микки-Мауса? Тоже ведь идол молодежи.

Учитель истории входит в лицей и издали приветствует директора Пинеля, наблюдающего за толпой учеников и учителей в главном дворе. Бетонные стены учебного заведения густо покрыты граффити на тему испражнений и противознатуральных половых сношений, сопровождаемые соответствующими непристойными выражениями. Есть и надписи политического свойства – призывы к разрушению общества потребления и бунту.

Не думать больше о скинхеде. Впереди работа, о ней и думай.

Он придает своей походке решительности, приветствует заговорщическим жестом коллег, как будто вместе с ними готовится к бою.

К бою с невежеством. Противник упорен, его нельзя недооценивать.

Если больше не думать «о том, о чем нельзя», то будет проще добросовестно трудиться, и тогда все станет как прежде.

Забывшую голову меч не сечет.

Снова появляется проклятый тик. Он глубоко дышит и

сжимает кулаки.

Где мои профессиональные навыки?

Он кидается в туалет и запирается в кабинке. Его рвет.

Прошлого не изменить. Нельзя вернуться назад, это не видеоигра, где можно переиграть эпизод. Это часть прошлого, я ничего не могу с этим поделать.

Я проживу остаток жизни как убийца, и отныне альтернатива для меня такова: либо меня хватает полиция и я сажусь в тюрьму, либо меня не трогают и я должен научиться сосуществовать со своей виновностью.

Он закрывает глаза, старается наладить дыхание, потом спускает воду.

Он входит в аудиторию и поднимается на кафедру. Новые первокурсники, тридцать один человек, уже сидят. Они смотрят на него, они с ним незнакомы, тем не менее видят, что он не в своей тарелке. Учитель не только бледен, у него не только запали глаза, но еще и тяжелое дыхание, дергающееся лицо. Чтобы взять себя в руки, Рене достает из сумки бутылку с минеральной водой. Глотнув, он начинает:

– Мы будем работать вместе до июня, и, надеюсь, у нас не будет трений. Учебный год завершается выпускным экзаменом. Те, кто не будет готов, экзамена не сдадут.

Он производит перекличку, ученики один за другим отвечают «здесь».

– Капрал Инполит Пелисье? – Здесь!

Он сглатывает.

– Во-первых, я всех прошу записывать за мной. Надеюсь, вы будете относиться к себе с той же требовательностью, с какой отношусь к своей работе я.

Он делает неуклюжий жест и опрокидывает бутылку с водой. Ученикам смешно, зато атмосфера, до того давящая, разряжается.

Они чувствуют, что я сам не свой. Пора прийти в себя. Бараны не должны догадываться, что у пастуха неприятность, иначе он лишится авторитета.

– Спокойствие. Учтите, при малейшем непослушании виноватый отправится к директору, мсье Пинелю.

Таков основополагающий принцип недопущения проблем: максимальная суровость в начале учебного года и постепенное отпускане вожжей, вплоть до полного расслабления в июне.

Большинство, не считая сидящих в двух передних рядах, уже слабо интересуется тем, что он скажет. Он приготовил проектор, сейчас над его столом загорается большой экран. Сначала он показывает под симфонию «Из Нового Света» Антонина Дворжака короткий фильм про Большой взрыв и про образование планет. Он комментирует:

– Перед вами прошлое. Представляете, сколько понадобилось случайностей, чтобы вы сейчас сидели передо мной в этом классе живые и здоровые? Потребовался первоначальный взрыв и его распространение в пустоте для образования видимой вселенной. Потребовалось образование нашей

планеты, Земли. Ее защита атмосферным слоем. Появление океанов. Зарождение в этих океанах жизни.

На экране появляется синяя водоросль, за ней инфузория, потом серебристая рыбешка.

– Нужно было, чтобы какое-то животное вылезло из воды и пошло по суше. Тиктаалик был первой рыбой, выбравшейся при помощи плавников на берег. Так началось «приключение», приключение жизни, приключение разума, приключение сознания.

Следует быстрая череда изображений. Приматы с каменными орудиями, доисторические люди вокруг костра, пещеры с разрисованными стенами, деревни, окруженные возделанными полями, укрепленные города, сцены конных сражений, коронации правителей.

– Всем вашим предкам повезло родиться, не умереть от болезней в младенчестве, вырасти, не погибнуть на войне, не заболеть или выжить при эпидемиях, не умереть от голода.

Рене видит, что наконец-то завладел вниманием класса.

– И так до тех пор, пока не встретились и не занялись любовью ваши родители...

Ученики, конечно, прыскают, удивленные тем, что учитель упоминает секс на уроке истории, но он как ни в чем не бывало продолжает:

– Ваши родители занялись любовью, от этого родились вы, и родители, надеюсь, постарались, чтобы вы поспособствовали продолжению вида и росту мирового уровня ума и со-

знания.

На экране мужская и женская фигуры в современной одежде, держащиеся за руки на фоне заходящего солнца.

– А еще понадобилось, чтобы при этом акте один доброкачественный сперматозоид из числа трехсот миллионов проник в яйцеклетку, иначе не сидеть бы вам в этом классе. Поэтому так важно помнить, откуда мы взялись.

Персонажи ролика бегут по экрану в противоположную сторону: от современных родителей до Большого взрыва, разразившегося 15 миллиардов лет назад.

– Те, кто забыл прошлое от чистой лени, те, кто отрицает истинное прошлое и искажает его в интересах пропаганды, тем придется его повторять вместо того, чтобы идти вперед.

Наконец изображение останавливается, на экране фотография учебника истории 1970-х годов.

– Ибо даже официальная история, излагаемая в школьных учебниках, часто подтасована. Например, нам известны только те цивилизации прошлого, которые имели письменность. Среди них известны тоже не все, а только те, где трудились историки. Сужаем дальше: нам знакомы только версии победителей.

– Почему, мсье? – спрашивает ретивый прыщавый ученик из первого ряда.

– Потому что убитый редко может сообщить свою версию боя.

Зал дружно смеется.

– Историки описывали главным образом сражения и жизни королей и императоров. По очень простой причине: те им платили, и историков интересовало только это.

Это откровение тоже кажется классу забавным. Рене, довольный произведенным впечатлением, переводит дух.

Больше не думай про скинхеда. Ползи по своей профессиональной колее. Ты учитель истории. Просто учитель истории. Кашлянув, он продолжает:

– Но не будем заблуждаться: войны были только массовыми закланиями, устраиваемыми ради экономических и религиозных интересов, а то и по прихоти правителей. Эгоисты и властолюбцы отправляли других людей на бойню, чтобы завоевывать новые земли, сырье, деньги, любовниц, рабов, работников. Они превращали мирных людей в воинов-убийц, обязанных убивать других людей, которых совершенно не знали и к которым, возможно, испытали бы симпатию при встрече при иных обстоятельствах – например, если бы нагрянули к ним как туристы. Представьте солдат двух воюющих армий, вдруг решивших отправиться вместе в отпуск. Они пинали бы там мяч, плавали бы наперегонки... Знаете, если не забивать людям головы националистической пропагандой или религией, то обычно они желают ближним добра.

Это соображение вызывает у учеников удивление, и Рене берется его развить.

– Но вот войны... Из-за них величайшим убийцам ставили памятники, их награждали медалями. Затем историки

победившей стороны придумывали достоверный сценарий, делающий приемлемой для современников и для потомков мысль о легитимности и необходимости этих преступлений.

Он выдерживает паузу, чтобы смысл сказанного улегся во всех головах.

– Но хуже всего даже не это. Часто те же самые историки, выполняя повеления своих могущественных заказчиков, переворачивали все с ног на голову и изображали палачами жертв, и наоборот. Вопросы?

Поднимает руку другой ученик из переднего ряда, в очках со стеклами толщиной с бутылочное донышко.

– Все это теория. Не могли бы вы привести конкретный пример?

– Конечно. Возьмем Крит. Все знают миф о Тезее и минотавре? Минотавр – чудовище с головой быка, которому регулярно приносили в жертву, на растерзание и пожирание, семерых юношей и семерых девушек из Афин. Минотавр жил в лабиринте. Герой Тезей при помощи Ариадны, дочери царя Миноса, сумел убить чудовище. Однако последние археологические находки рисуют совсем другую картину. Утонченная и мирная критская цивилизация предшествовала греческой. Начав завоевывать окрестные острова, греки быстро вступили в соперничество с критянами, у которых процветала торговля со всем Средиземноморьем. Корабли критян превосходили прочностью греческие, их города дальше зашли в развитии, более изощренной была их культура, а глав-

ное, куда значительно больше было их богатство. Это не могло не вызывать зависть у континентальных греков, потомков жестоких индоевропейских народностей. Царь Минос не смог оказать завоевателям достойного сопротивления. Он оказался не готов к их свирепости и понадеялся на переговоры. Но какие могут быть переговоры с теми, кто решил попросту вас истребить? В считанные месяцы утонченный мир пал под ударами кровожадных орд. После того как все миносские города были преданы огню, женщины обесчещены, богатства разграблены, мужчины обращены в рабство, тексты сожжены, греки придумали миф о герое Тезее – греческом вожде, победителе чудовища с бычьей головой, пожирателя юношей и дев. Мы располагаем только версией греческих историков, превративших эту трагедию... в красивый рассказ.

На лицах учеников читается удивление. Рене Толедано любит этот эффект, который называет размыканием, отвержением вежд, прозрением. Ему в такие моменты всегда вспоминается соколиная охота: чтобы обмануть птицу, ей склеивали веки, чтобы вернуть зрение перед самой охотой. Он продолжает:

– Могу привести еще более древний пример, уже не связанный с войной, но тоже показывающий, как нами манипулируют историки: пирамида Хеопса в Египте. Всегда считалось, что ее возвел в 2500 году до нашей эры фараон Хеопс. Такие записи остались от его писцов, получить же больше информации не было никакой возможности. Но писцы эти

были, конечно, чиновниками на жалованье и записывали то, что им велели. Только в начале этого года благодаря новой системе датировки было доказано, что эту пирамиду построили по меньшей мере за 5000 лет до нашей эры. Соответствующую запись нашли во время правления Хеопса, и тот, побывав в пирамиде, решил превратить ее в свое захоронение. Он не имел никакого отношения к ее строительству, да и не смог бы ее возвести, потому что примитивные технологии его эпохи ни за что бы этого не позволили. Пирамида пустовала уже не одну тысячу лет, вот ее и приспособили для несвойственной ей задачи – служению мегаломании этого фараона. Это как если бы через две с половиной тысячи лет какой-нибудь монарх, наткнувшись на Эйфелеву башню, решил сделать из нее свое надгробие, понятия не имея о ее прежнем назначении.

На лицах некоторых учеников читается сомнение.

– Так и надо будет написать в экзаменационной работе?

– От этого вам будет польза на всю жизнь, – отвечает он загадочно. – Запомните, есть разница между пережитой и рассказанной историей, между историей подданных и историей правителей. Память – главнейшая политическая добыча, потому большинство политиков и стремится завладеть ею, сформировать ее к своей выгоде.

– Но, мсье, – подает голос кто-то из учеников, – если, послушав вас, мы станем говорить то, чего нет в программе, мы провалим экзамен.

– Значит, отметка на экзамене вам важнее истины?

Ученик стесняется ответить утвердительно, но, кажется, уже обзавелся твердым мнением на сей счет.

Сегодня первый день, он проверяет меня, потому что чувствует, что я сам не свой. Хорошенькое начало.

– Такие, как вы, выбирающие повиновение и всеобщую похожесть вместо размышлений и самостоятельности, готовят фашистское общество.

Ученик явно потрясен несоразмерностью обвинения.

Что-то я переборщил, но брать свои слова назад поздно. Не найду способа успокоиться, еще чего доброго покроюсь сыпью!

Звучит звонок на перемену. Рене ждет, пока все выйдут из класса, чтобы самому тоже пойти подышать воздухом. Его взгляд ловит Пинель, по-прежнему торчащий у двери своего кабинета, открывающейся во двор. Директор машет ему рукой, как будто спрашивает: «Ну, как все прошло?» В ответ Рене показывает большой палец – мол, отлично, как всегда.

Странно он на меня смотрит. Неужели что-то заподозрил? Неужели на моем лице печать преступления?

И тут же, конечно, у него дергается правый глаз. Он идет в туалет и опять подставляет лицо под холодную струю.

Главное, что я продержался. Сохранил лицо благодаря профессионализму. Теперь надо продолжать уроки, как будто ничего не случилось.

Возможностей по-прежнему всего две. Либо труп найден

и я сяду в тюрьму, либо не найден и нечего мучить себя, вспоминая эту травмирующую сцену.

Забыть – и дело с концом.

Забыть. Как это делается? А вот так – больше об этом не думать.

Что, собственно, забыть?..

8.

Полуденный звонок. Время обеда.

Лицевая столовая выкрашена в ярко-оранжевый цвет. Неоновые светильники на потолке заливают белые пластмассовые столы слепящим светом. В нос бьет запах дезинфекции.

Рене Толедано находит Элоди Теске на ее привычном месте – в самом тихом углу справа.

– Что-то ты бледный. Не выспался? – спрашивает она его.

Глядя на нее, он успокаивается от одного ее присутствия. Но молодая блондинка с короткой стрижкой не скрывает тревоги.

– Ты в порядке, Рене?

Что, если во всем признаться? Это же она потащила меня на представление. Кому меня понять, если не ей?

– Ты взял и удрал с баржи! Я пыталась тебя окликнуть, но ты не отозвался. Вот твоя куртка, ты ее забыл.

Она достает из пакета его бежевую куртку.

Да, все ей выложить. Облегчить душу. Она ведь мне друг, настоящий друг.

Это воспоминание очень тяжело носить в себе. Мне полегчает, если я поделюсь с ней своими угрызениями совести. Может, она меня подбодрит, посоветует пойти в полицию и во всем сознаться. Может, даже пойдет туда со мной. Она всегда была рядом в трудные моменты. Знаю, она не подведет.

– Я...

Договорить невозможно.

...убил человека.

– Я выставил себя чудовищем при сотне зрителей, я должен был показаться им смешным. Это был очень болезненный момент.

– Не преувеличивай. Может, ситуация и была неловкой, но это всего-навсего гипноз. Зрелище. Помнишь, перед тобой мужчина стоял на четвереньках и изображал собаку, женщина сказала, что в зале сидят похитившие ее инопланетяне, еще одна, не сгибая спины, удержала равновесие между двумя стульями. Гипноз есть гипноз. Никто тебя не осуждал. Все понимали, что присутствуют при новом эксперименте с участием человека, храбро согласившегося на роль в представлении. Вот и все.

Он следит за дверью, из которой могут появиться полицейские, но видит только других учителей, отдыхающих после первой в учебном году встречи с учениками.

– Я должен кое-чем с тобой поделиться, Элоди. Теперь я знаю, почему люди не помнят свои прежние жизни. Потому что прежняя жизнь может испортить нынешнюю. Побывав в шкуре солдата Первой мировой войны, я... В общем, я здорово понервничал.

– Я видела.

– У меня была бессонная ночь.

Она вопросительно приподнимает бровь:

– Только не говори, будто веришь, что действительно пережил одну из твоих прежних жизней, Рене!

– Буддисты в это верят. И древние греки верили.

– Мистические писания возрастом более двух тысяч лет!

– А Талмуд? Сейчас найду. Вот! Перед выходом новорожденного из материнского чрева ангел касается его верхней губы и говорит: «Забудь», чтобы дитя не тревожили воспоминания о его прежней жизни. От этого прикосновения ангела остается след – выемка между верхней губой и основанием носа, которая так и называется – след ангела. Потому мы и не помним свои прежние жизни: чтобы они не травмировали нас в нынешнем существовании.

– Как мило! Но это всего лишь легенда.

– Из-за этого регрессивного гипноза я пересек запретную границу. Оттуда вылезло... чудовище. Теперь оно сидит во мне, и я над ним не властен.

Коллега, учитель-естественник, пристально на него смотрит, не понимая, шутит он или говорит серьезно. Она хочет

что-то сказать, но передумывает.

– Сходим за едой, – предлагает она.

Они встают в хвост очереди. Элоди пытается сменить тему:

– Как ты поладил с новыми учениками?

– Не знаю, как сформулировать первое впечатление... Давай попробую: они слышат, но не слушают, видят, но не смотрят, знают, но не понимают.

– Здорово же ты разочарован! Я тебя не узнаю. Ты говоришь как старый реакционер.

– Признаться, сегодня утром я испытывал больше напряжения, чем в это же время год назад. У меня впечатление, что я занят никому не нужным делом. Что ученикам ничего не интересно. Мне становится трудно их выносить, потому что у меня не получается их учить. Мы растим себе на смену поколение неучей и профанов. Они отбарабанивают программу, все то, что слышат в новостях и от родителей, в рекламе, в интернете, но совершенно лишены собственных мыслей, не имеют ни малейшего желания развивать собственное понимание. Им подавай готовые мысли, они охотно их присвоят. Это, знаешь, как фастфуд: быстрая уже прожеванная мысль, безвкусная, зато усваивается на раз-два.

– А вот и нет. Среди учеников есть замечательные, они внимательны и умны. Ты сам мне говорил в прошлом году, что некоторые, которых ты сначала считал тупицами, потом прыгнули выше головы, – напоминает Элоди.

– Хорошие ученики попадают, согласен, а вот выйдут ли из них хорошие люди, еще неясно. Представь, им даже непонятна польза самостоятельной мысли! Они довольствуются повторением того, что им говорят, чтобы сдать экзамены. Только об экзаменах и думают, а на то, что происходило с их предками, плевать хотели. Они не соображают, что я учу их истории их же пращуров.

– Надо будить в них природное любопытство, это и есть наше ремесло. Наша задача – найти способ их заинтересовать.

Девушка на раздаче предлагает Рене квашеную капусту, он кривится и ищет что-нибудь другое.

– Расхотел? – удивляется Элоди.

– Представь, да! После того как я побывал в шкуре Ипполита, у меня отвращение ко всему, что имеет хоть какое-то отношение к германскому миру.

Она берет пиво, он – бутылку красного вина.

– Во мне появилась агрессивность, какой раньше не было, какой-то прилив тестостерона. Прямо как у солдата в разгар сражения! Это во мне засело, такое чувство, что я и впрямь воевал на той войне. Наверное, это и мешает мне уснуть.

Они возвращаются за свой столик и молча едят. Потом Элоди предлагает выпить кофе снаружи, чтобы она могла покурить.

– Ты какой-то не такой, Рене. Меня поразили эти твои речи о молодежи. Не подозревала в тебе такого цинизма!

- Мне нехорошо, Элоди. Такое ощущение, что вся моя жизнь разом рухнула.
- Из-за того, что случилось вчера вечером?
- Хотелось бы мне, чтобы этого вечера вообще не было!
- Я не верю в предшествовавшие жизни, зато верю в силу убеждения.

Молодая блондинка кладет ладонь на руку Рене и подмигивает.

– Мы с тобой давно друзья, но ты никогда по-настоящему не интересовался мной, Рене. Расскажу-ка я тебе о своем детстве. Вдруг это поможет тебе справиться с твоей теперешней проблемой?

Она отпивает кофе, закуривает сигарету и черпает в затяжке отвагу, чтобы поведать ему о своем прошлом.

9.

Подростком Элоди Теске хотела быть первой красавицей класса. Родители одевали ее как куклу, но этого ей было мало: хотелось самого красивого тела, чтобы все ей восхищались. Хотелось быть похожей на моделей с обложек женских журналов – худющих, с длинными ногами. Для достижения этой цели она вызывала у себя рвоту и глотала слабительное.

Она все сильнее худела, все больше превращалась в скелет. Лицо стало обтянутым кожей черепом, в бассейне все

видели ее торчащие ребра.

Учителя поговорили с ее родителями, но нотации ни к чему не привели: заставить ее есть было невозможно, она научилась без усилия вызывать у себя рвоту. Родители были в ужасе, они уже не знали, что предпринять, чтобы спасти дочь.

Они обратились к авторитетному специалисту по анорексии, врачу, часто выступавшему по телевидению и имевшему на счету несколько чудесных исцелений. Его звали Максимилиан Шоб. Это был видный и чрезвычайно красноречивый мужчина.

– Я лечил и вылечил всех молодых женщин, обращавшихся ко мне из-за проблем с питанием – и с анорексией, и с булимией, – заверил он Элоди при первой встрече, сплетая и расплетая длинные пальцы. – Представьте, у 90 процентов обращающихся ко мне женщин болезнь вызвана детским травматическим опытом. Поэтому я задам вам вопрос: вы подвергались в детстве домогательствам? Члены семьи, друзья родителей позволяли себе в отношении вас что-либо неподобающее?

– Нет! – решительно ответила юная Элоди.

– Может быть, так бывало, но вы это забыли?

– Ничего подобного я не помню.

– Возможно, забыли. Расслабьтесь, закройте глаза. Представьте вашу комнату. Вспомните все детали. Кровать. Стены. Кукол. Игрушки. Получается?

– Да, более-менее.

– А теперь представьте: ночь. Весь свет погашен, кроме ночника. Вы слышите звуки, дверь открывается, на пороге кто-то стоит. Вы видите силуэт. Видите?

– Нет.

– Вы его видите, но так хотите забыть, что ваше сознание отказывается согласиться. Расслабьтесь. Подпустите забытую правду ближе. Вглядитесь в этого человека. Ну же! Небольшое усилие памяти – и вы его узнаете. Это всего лишь силуэт в дверном проеме, но я уверен, что вы его видите.

– Никого я не вижу.

– А вы постарайтесь, мадемуазель. Хотите выздороветь – действуйте. Кто это? Ваш отец? Брат? Кузен?

– Никого там нет.

– Это кто-то хорошо вам знакомый. Кто-то из близких. Или из друзей семьи. Кто-то, кого вы хотели забыть, но из-за него ваше сознание не знает покоя. Это произошло, перестаньте себя обманывать.

– Нет, ничего не произошло.

– Кто он? Наберитесь храбрости увидеть и назвать его. Уверен, вы сможете, Элоди! От этого зависит ваше выздоровление. Знаю, теперь вы в силах взглянуть в лицо задвинутой в дальний угол правде, как бы болезненна она ни была. Ну-ка! Это для вашей же пользы. Обещаю, после этого все пойдет гораздо лучше.

И тогда Элоди произнесла имя:

– Кристиан.

– Кто это?

– Мой дядя Кристиан.

Психиатр удовлетворенно кивнул:

– Хорошо, вы ведь его видите? Вы готовы снова пережить ту сцену? Опишите мне происходящее во всех подробностях.

И девушка-подросток выдала историю, полностью соответствовавшую намекам психотерапевта.

После сеанса доктор Шоб похвалил ее за отвагу и пообещал, что теперь все наладится, потому что у нее нашлись силы выкопать то, что грызло ее с детства, скрытую правду, как он это назвал.

И что же, к ней в считанные дни вернулся аппетит, она стала нормально питаться. Лечение Шоба принесло ей выздоровление, зато дяде Кристиану сильно не поздоровилось.

Вечером, сразу после «разоблачения», отец Элоди измордовал его и чуть не убил, но вмешалась полиция, приехавшая арестовать Кристиана за домогательство к несовершеннолетней. По показаниям подростка было заведено уголовное дело. Другие заключенные устроили Кристиану веселую жизнь, так как педофилия, хотя и происходит обычно внутри семей, считается в тюрьмах худшим преступлением. В итоге он покончил с собой в камере. В предсмертном письме, адресованном Элоди, он написал: «Клянусь, я к тебе никогда не прикасался».

Тогда ее обуяли сомнения, она стала искать в интернете других «спасенных» доктором Шобом и наткнулась на девочку, пережившую в точности то же самое, с точно такими же последствиями. Связавшись с ней, она узнала о теории ложных воспоминаний доктора Элизабет Лофтус⁶.

Та посвятила себя борьбе с психиатрами и психоаналитиками, внедрявшими ложные воспоминания об инцестах и домогательствах в детстве пациентов для эмоционального шока, клавшего конец прежней зацикленности. Чаще всего врачи действовали добросовестно, но не соизмеряли свою силу убеждения. В статье доктор Лофтус утверждала, что стереть ложное воспоминание может только тот, кто его внедрил.

Поэтому Элоди вернулась к доктору Шобу и потребовала, чтобы он «взял назад» содеянное.

Сначала он отказывался признавать, что все это было манипуляцией, напоминал, что Элоди пришла к нему больная, а потом поправилась. Он даже сказал: «У любого выздоровления есть цена, для любого чуда требуется жертва». И добавил: «Я потушил пожар направленным взрывом. Цель оправдывает средства».

Но Элоди не могла забыть, что он принес в жертву жизнь невиновного человека. Она пригрозила, что разоблачит его в социальных сетях, а то и в прессе, сказала, что его могут

⁶ Элизабет Лофтус (р. 1944) – американский психолог и специалист по изучению памяти.

обвинить в непредумышленном убийстве. Ей было всего 16 лет, но она твердо решила восстановить поправленную справедливость. Она нашла убедительные слова, и в конце концов Шоб согласился лишить ее ложных воспоминаний о дядиных домогательствах.

10.

Преподавательница естественных наук нервно крутит в руках зажигалку.

– Теперь ты знаешь мою историю. Правда о ложных воспоминаниях не оживила бедного дядю Кристиана, но, по крайней мере, сняла с меня часть вины, а главное, вернула доверие к собственной памяти. Все это было для меня и кошмаром и прозрением. Оказалось, что рассудок легко поддается манипулированию: мозг пластичен, как тесто, в него за- просто проникает ложь, и ты искренне в нее веришь. Шоб предложил мне представить эту сцену, и я не только представила, но и полностью поверила, что все так и было. Все перевернулось с ног на голову: я-то выжила, зато бедный дядя погиб.

– Какой ужас ты мне рассказала, Элоди! Я очень тебе сочувствую. Теперь многое становится понятнее. Поэтому ты равнодушна к гипнозу?

– Конечно.

Она быстро делает одну затяжку за другой.

– Я ведь к чему веду? Возьмем твою вчерашнюю «мини-травму». На твоём месте я бы вернулась к этой гипнотизерше, пусть она избавит тебя от ложного воспоминания, которое в тебя заронила и которое теперь тебя мучает. У каждого есть в прошлом кое-что, что следовало бы поправить, начиная с детства. Не хватало добавить к этому наши прежние жизни, тогда этому не будет конца...

– Я не ожидал, что у всего этого будут такие последствия.

– Обязательно к ней сходи, пусть приведет в порядок то, что разбередила. Пусть удалит из твоих мозгов эту историю о бедном солдатики, тогда к тебе вернется здоровый сон.

Днем Рене Толедано проводит такие же уроки ещё с двумя классами и им советует искать истину о событиях, искажаемых официальной историей.

Потом он садится в учительской за компьютер, чтобы покопать в интернете побольше сведений о ложных воспоминаниях.

Найдя статью об американском психологе Элизабет Лофтус, он решает кратко отразить ее в своей «Мнемозине».

11.

«Мнемозина». Ложные воспоминания

Элизабет Лофтус взялась доказать, что человек может убедить себя в реальности того, чего на самом

деле не было. Для доказательства возможности обмануть собственную память она попросила ассистента подобрать испытуемых.

При личной встрече с каждым из них она говорила: «Член вашей семьи рассказал нам занятную историю из вашей молодости». Историй у нее было три: две правдивые и одна полностью вымышленная, якобы рассказанная родителями испытуемого, то есть полученная из надежнейшего источника.

Она изобретала невинные вещи, типа: «В раннем детстве вы потерялись в торговом центре, и вас искали при помощи объявления в залах»; «Вы опрокинули бокал красного вина на платье новобрачной»; «Вы хотели погладить собаку, а она вас укусила».

Через несколько месяцев у участников эксперимента спрашивали, помнят ли они эти случаи, и 34 % из них готовы были поклясться, что все это происходило с ними на самом деле, и могли живописать подробности.

В другой раз Элизабет Лофтус привезла группу испытуемых в Диснейленд. Потом она стала спрашивать их об экскурсии, и в частности о встрече с героем мультфильмов Багсом Банни. Штука в том, что Багс Банни – не диснеевский герой, а персонаж конкурирующей студии «Уорнер Бразерс», поэтому его невозможно повстречать в Диснейленде. Тем не менее 60 %

опрошенных вспомнили, как жали Багсу Банни руку в Диснейленде, 50 % – как обнимались с ним, а один даже утверждал, что отнял у него, а потом вернул знаменитую морковку.

Элизабет Лофтус прибегала к ложным воспоминаниям и в других своих проектах. Она рассказывала студентам, что те любили в детстве брюссельскую капусту и спаржу (обычно дети терпеть не могут того и другого и часто сохраняют это отвращение, повзрослев). Впоследствии она наблюдала, как они, изменив себе, начинают любить оба эти овоща.

12.

Над сценой красуется зеленый глаз, гипнотизерша стоит в луче прожектора.

– Вы не только те, за кого себя принимаете. Я задаю вопрос: вы сумеете вспомнить, кто вы на самом деле?

Опал обводит взглядом зал «Ящика Пандоры», узнает Рене Толедано, вздрагивает, но не прерывает заготовленную речь:

– Мне понадобится доброволец. Кто хочет подвергнуться невероятному эксперименту, который навсегда оставит на нем след: опыту по полному познанию самого себя?

Рене торопливо вскидывает руку:

– Я!

Она еще его не пригласила, а он уже встает.

– Нет, не вы, вы уже были вчера.

– Как раз поэтому я бы хотел, чтобы вы повторили эксперимент и поправили то, что нарушили.

Люди в зале не понимают, что происходит. Учитель истории знает, что это недоумение ему на руку. Не дожидаясь ее разрешения, он поднимается на сцену.

– По-моему, это неудачная идея. Пожалуй, я приглашу кого-нибудь другого.

– Я настаиваю. Хочу быть вашим очередным подопытным.

– Это очень мило, но нет, это невозможно.

Он жестом призывает в свидетели зал.

– Почему же? Ах да, кажется, я начинаю понимать. Потому что вы имплантировали мне ложное воспоминание?

– Нет, потому что вы уже участвовали в этом эксперименте вчера. Прошу вас, мсье...

– Толедано, Рене Толедано, вы уже забыли? Вот ведь ирония, а вы еще работаете с нашей памятью.

– Нет, я не забыла, но я прошу вас вернуться на место, чтобы я могла продолжить программу.

– А если я не соглашусь?

Опал немного сбита с толку, но уступать не хочет.

– Прошу вас, мсье Толедано, не надо создавать трудности.

Зал начинает реагировать. Кто-то свистит, несколько че-

ловек улюлюкают. Рене чувствует, что если будет и дальше мешать гипнотизерше, то публика может вытолкать его взащей, потому что настроена поддержать привлекательную исполнительницу, а не типа, вздумавшего испортить всем удовольствие.

Опал и Рене долгие секунды сверлят друг друга воинственными взглядами. Внезапно у Рене возобновляется тик в правом глазу.

Мое тело меня предает. Что делать?

Поколебавшись, он пожимает плечами и возвращается на место под укоризненными взглядами своих соседей.

– Повторяю, мне нужен доброволец. Кто еще хочет участвовать в уникальном, необычайном эксперименте?

Руку поднимает дама чрезвычайно элегантного вида. Ее поощряют теплыми аплодисментами. Она, похоже, в восторге от всего происходящего.

– Прежде чем начать, я хотела бы немного узнать о вас, мадам. Как вас зовут?

– Каролин. Мне 42 года, я работаю в салоне ухода за ногтями, специализируюсь на педикюре.

Рене Толедано ждет, что будет дальше. Наступает поворотный момент.

– Я вижу дверь в бессознательное, но, когда я нажимаю на ручку, дверь не поддается, как будто с той стороны задвинут засов.

– Попробуйте еще, мадам.

– Пробую, никак.

– Надавите, дверь поддастся.

– Она бронированная, толстенная, с огромным замком!

– Никак не получается?

– Я стараюсь, тяну, толкаю, но она слишком тяжела и накрепко заперта. Никак не выходит.

– Что ж, возвращайтесь наверх. Мы пытались, но попытки не всегда приводят к успеху, Каролин. Мадам, мсье, наградим ее за смелость дружными аплодисментами!

Опал не скрывает разочарования, но, не желая завершать выступление неудачей, исполняет номер-импровизацию, потом – номер классического гипноза, предлагая новому добровольцу представить, что он находится в пустыне. Мужчины становятся все жарче, он раздевается и остается перед всеелящейся публикой с голым торсом.

Рыжую длинноволосую артистку с зелеными глазами удостоивают теплыми аплодисментами, потом публика вскакивает и устраивает ей овацию. Она делает скромный реверанс, красный занавес закрывается, в зале загорается свет, и зрители гуськом покидают театр-баржу.

У себя в гримерке Опал медленно удаляет грим, переодевается в более удобную одежду, надевает спортивную обувь. Она покидает «Ящик Пандоры», заперев дверь и потушив неоновую вывеску на крыше: «ОПАЛ, ГИПНОТИЗЕР, С КОТОРЫМ ВЫ ОТКРОЕТЕ СВОЕ ЗАБЫТОЕ ПРОШЛОЕ».

На набережной Сены ее ждет машина. Пройдя метров сто по направлению к стоянке, она чувствует преследование, слышит за спиной шаги. Она идет быстрее, преследователь тоже. Расстояние сокращается. Она достает смартфон и на всякий случай выводит на экран номер вызова полиции. Преследователь все ближе. Она достает из сумочки баллончик со слезоточивым газом, резко оборачивается и от души прыскает мужчине в лицо.

Он от неожиданности закрывает ладонями глаза и падает на колени, весь в слезах, сотрясаемый кашлем.

– Я вызову полицию! – угрожает она.

Только не это!

Она узнает его.

– Вы тот, кто мне мешал! Чего еще вам от меня нужно?

Он не сразу может ответить. Щиплет глаза, горит горло. Он отхаркивается, трет глаза.

– Вы имплантировали мне ложное воспоминание, теперь удалите!

– Ничего я вам, как вы выражаетесь, не имплантировала, я просто открыла вам доступ к глубинной памяти.

– Вы погрузили меня в кошмар.

– Вы сами решили открыть дверь в свое самое героическое поведение, не так ли? Обычно герои плохо кончают. Это называется невезением.

Он выпрямляется и переспрашивает уже нормальным голосом:

– Невезение?

– Оно самое, во всей красе. Разве не невезение, что ваше командование из рук вон плохо подготовило наступление на Дамской дороге, что почва превратилась в топь, что сначала шел снег, потом дождь, что генерал Нивель оказался никудышным стратегом, что неприятельский солдат, на которого вы напоролись, оказался сильнее вас? Я тут ни при чем. А вы... что ж, вы побывали в той жизни, которую хотели узнать, – в жизни героя. Я всего лишь выполнила свое обещание.

Он хватает и яростно стискивает ее руку.

– ИЗБАВЬТЕ МЕНЯ ОТ ЭТОГО ЛОЖНОГО ВОСПОМИНАНИЯ!

Она пытается вырваться, но ничего не выходит.

– Отпустите!

Он ослабляет хватку.

– Простите, я вынужден настаивать. Знаете, на что это похоже? Вы пришли ко мне, помогли открыть погреб, достали оттуда заплесневевшую, смердящую головку старого сыра и оставили меня в обществе этой зловонной гадости посреди гостиной. Заберите – это все, чего я требую.

Взгляды обоих полны негодования. Происходит упорный поединок пары карих глаз с парой зеленых.

– Из-за вас я... (*убил человека*) не спал ночь. Освободите меня, избавьте от причиненного вами зла. В конце концов, это ваше ремесло – копаться в чужих мозгах и наводить там

порядок.

– Я вам ничего не должна. Я не могла знать, что у вас там прячется.

Он ищет способ стать хозяином положения и вспоминает, как воздействовала на своего психиатра Элоди.

– Не забывайте, я пришел на ваше представление, купил билет – и ушел травмированным. Вы хотите, чтобы я растружил об этом прискорбном событии в социальных сетях? Если я расскажу о пережитом, то это насторожит многих потенциальных зрителей, и они дважды подумают, прежде чем платить тридцать евро за последующие бессонные ночи.

– Это угроза?

– Да, я вам угрожаю.

Настает ее очередь опустить глаза. Она откидывает с лица рыжую прядь.

– Нельзя стереть воспоминание, выплывшее из глубинной памяти. Что всплыло, то всплыло, ничего не поделаешь.

– Знаю, это в ваших силах.

– Ничего вы не знаете. Прошлое незыблемо. Из него нельзя ничего изъять. Но кое-что все же можно предпринять...

– Я слушаю.

– Добавить... Можно добавить позитивное воспоминание с соответствующими переживаниями, это помогает забыть негатив или по крайней мере свести к минимуму его воздействие.

Рене в сомнении. Опал продолжает:

– Это как в детстве. Когда у детки бо-бо, мама сует ему что-нибудь вкусненькое. Царапина на коленке никуда не де-
вается, но с печеньем уже не так переживаешь.

– Не говорите со мной, как с несмышленищем.

– Это метафора, чтобы вы поняли, как это работает.

– Делайте как вам удобно, главное, исправьте зло, которое
мне причинили.

– Что ж, пойдёмте.

Они возвращаются в театр на барже. Опал отпирает дверь
«Ящика Пандоры», включает прожектор, усаживает Рене в
красное бархатное кресло напротив огромного глаза-декора-
ции. Не успевает Рене сесть, как звонит его телефон. Навер-
няка это Элоди с вопросом, где он.

– Переключите на режим полета, – велит Опал. – Это
спектакль, пусть заказной, но все-таки.

– Виноват.

– Какая жизнь интересует вас теперь?

– После героической, где я погиб молодым, насильствен-
ной смертью, не создав семьи, хорошо бы прямо противопо-
ложную, где я дожил до преклонных лет и умер естественной
смертью, в окружении родных, в мирной стране.

– Как пожелаете.

Она предлагает ему закрыть глаза, расслабиться, предста-
вить себе лестницу, дверь в бессознательное, пройти в кори-
дор со 111 пронумерованными дверями.

Загорается красная лампочка над дверью 95. Он входит в

нее.

13.

У него худые, все в венах, морщинах, коричневых пятнах руки. Он лежит в постели, вокруг люди. Справа седой старик, три молодые пары и шестеро детей. Слева священник и мужчина в старинном одеянии.

Рене Толедано осознает, в каком теле находится: в этой жизни он – старуха.

– О, моя дорогая!

Рене соображает, что седовласый старик, произнесший эти слова и взявший ее руку для поцелуя, – ее муж.

– Видишь, здесь кюре и нотариус.

Человек, представившийся нотариусом, протягивает листок с надписью крупными буквами: «ЗАВЕЩАНИЕ».

Рене становится понятнее, кто он, вернее, она. Он видит красиво выведенные строки:

Графиня Леонтина де Виламбрес

Замок Виламбрес, 1785

Дальше идет длинный список построек, земельных угодий, лошадей, ослов, кур, а также всяческих карет, плугов, предметов обстановки и столового серебра.

Глаза снова пробегают список, дрожащая рука неуклюже выводит подпись, нотариус бормочет слова благодарности и исчезает.

Потом подходит кюре с предложением «облегчить душу исповедью». Она припадает к его уху.

– Исповедуюсь в том, что много времени потратила на попытки уклониться от положенных мне по рангу светских обязанностей: всех этих балов, светских глупостей... Меня часто не хватало на мужа и детей!

– Отпускаю ваши грехи.

– Это не все. Исповедуюсь, что имела плотскую связь с садовником, ибо муж мой давно утратил мужскую силу, а я всегда сохраняла тягу к плотским утехам.

– М-м-м... И этот грех отпускаю вам.

– Знайте, как это ни тяжело, что я вступала в связь не только с садовником, но и с конюхом и со многими лакеями, чего не стыжусь: почему только у мужчин должно быть право не стесняться своих побед, хотя у нас, женщин, тоже есть стремление к противоположному полу? Богу угодно, чтобы настал день, когда женщины станут равными мужчинам и тоже смогут по своему усмотрению покупать любовь, отбирая тем самым у мужчин одну из их многочисленных привилегий.

Удивленный кюре покашливает, надеясь, что остальные ничего не слышали.

– Еще я должна сказать вам, святой отец, что презираю всех святош, верящих в суеверия, коими Церковь кормит наивных и доверчивых ради своего собственного обогащения...

– Полагаю, все уже сказано, – прерывает ее священник.

Он молится на латыни, перекрывая голос старухи. Потом крестит ей лоб.

– Отпускаю вам ваши грехи, графиня. Да пребудет ваша душа в раю.

После ухода нотариуса и кюре к ней подходит граф.

– Что ж, любимая, теперь самое время сказать мне... где?

Он гладит ее по лбу.

– Что «где»?

– Где вы зарыли ларец со слитками?

– Знаете, Гонзага, я терпеть не могу эти упоминания вашей любви ко мне: «любимая», «дорогая»... Мы не на конюшне!

– Прекрасно, Леонтина. Скажите нам, где ларец. Если не скажете, то вся семья лишится родового достояния. По словам врача, вам остались считанные часы.

– Отчасти это наследство, оставленное мне родителями, а они, если вы не забыли, Гонзага, в конце жизни относились к вам неодобрительно. Передать эти деньги вам значило бы проявить неуважение к ним.

– Речь не об одном мне, любимая, есть еще дети! Дети мои, скажите вашей матери и бабушке, как она вам дорога.

Подходит старший сын.

– Ну же, матушка, говорите! – произносит он с угрозой. – Известно, что ларец где-то в парке, за замком, но где? У озера? В лесу?

– Где золото, мадам? – пристают внуки. – Где слитки? Мы

хотели бы на них взглянуть...

– Итак, вы собрались здесь, вокруг меня, только из-за наследства. Как стервятники, дожидаящиеся, пока зверь издохнет, чтобы разорвать его на части.

– Для нас позор, что вы можете так думать!

– Дражайшая супруга!

– Матушка!

– Мадам!

Все пытаются схватить ее за руку, но она всех отталкивает.

– Такими вы мне отвратительны. Ваша любовь ко мне – лицемерие!

Леонтина разглядывает свое семейство. Все притворяются, будто ничего не слышали, и продолжают подлизываться.

– Ну же, скажи, любимая! Где сокровище?

– Где сокровище, матушка?

– Где сокровище, мадам?

– Марсу, – бормочет графиня.

– «Марсу»? Это название коммуны, где спрятан ларец?

– «Марсу»? Это какое-то диалектное словечко.

– А по-моему, это латынь, надо вернуть священника, вдруг он поймет?

Старуха с трудом приподнимает голову:

– Позовите горничную, мне надо облегчиться.

Прибежавшая горничная помогает ей добраться до чулана, где стоит кресло с дыркой и таз. Графиня закрывает дверь

и самостоятельно справляет нужду.

К удивлению Рене, когда она молчит, ему доступны ее мысли.

Дурак на дураке. Делают вид, что меня любят. Но я-то их не люблю, а презираю. Ненавижу.

Лучшие лишит их моих денег, чем отдать на таких условиях.

Лучшие уж так, я заранее смеюсь, представляя, как они раскапывают все имение. А я зарыла ларец под большим дубом в глубине парка, в левой его части.

Потом из туалета доносится ее вопль:

– Марсу!

Она шлепается на пол. В коридоре слышны шаги. Родные находят ее безжизненное тело.

Душа старухи покидает брентную телесную оболочку и образует эктоплазму, полностью повторяющую видом бывшее тело.

Дух Леонтины видит дух Рене и удивленно щурится.

– Вы кто, черт возьми?

Учитель истории застигнут врасплох.

– Я тот... То есть я... В общем, однажды в будущем вы станете мной...

– Что вы здесь делаете именно сейчас? Надеюсь, вы-то хоть не охотитесь за моими слитками?

– Я – нет... я... то есть вы...

Но душу Леонтины влечет далекий свет, и она отправля-

ется туда, откуда он льется. Все ее семейство тем временем кричит, вопит, рыдает, тряся ее опустевшую телесную скорлупу.

За спиной у учителя истории появляется дверь. Он выходит в нее, попадает в коридор, доходит до двери под номером 112. Открыв ее, он поднимается по лестнице, на женский голос, звучащий все громче:

– ...четыре, три, два, один, ноль. Открывайте глаза, мсье Толедано.

Сухой щелчок пальцами.

14.

Рене хлопает глазами.

– Ну, что? – спрашивает его Опал с любопытством впере-
мешку с тревогой.

Он тяжело дышит, еще не отойдя от сцены, в которой только что участвовал. Просит воды. Опал идет за кулисы за водой. Он дышит уже спокойнее. Включив смартфон, от-
рывает папку «Мнемозина» и быстро записывает все подроб-
ности кончины графини Леонтины де Виламбрес.

– Я был старухой. Я имел доступ к ее мыслям! За солдатом Первой мировой я следил снаружи, как в кино, а мысли этой старухи я слышал, как будто сидел у нее в голове.

Опал впечатлена. Он, дрожа от пережитого, продолжает:

– Это невероятно, я одновременно видел ее снаружи и

слышал ее мысли изнутри.

Он встает и набирает в легкие побольше воздуха, как ныряльщик после изнурительного погружения.

– Значит, вам лучше? Вы излечились? Я избавила вас от травмы первого спуска?

Не слушая ее, он частит свое:

– Кажется, теперь я знаю, почему меня всегда отталкивал институт семьи. Вот и объяснение, почему в свои 32 года я остаюсь холостяком. И почему спасаюсь бегством, стоит в моей жизни появиться женщине. Что меня беспокоит, так это последние слова графини. Она сказала «Марсу».

– «Марсу»?

– Да, по интонации это походило на анафему.

Теперь Опал заинтригована:

– «Марсу»? Вы уверены?

– Еще я уверен в том, что это не ругательство и не место, где спрятано сокровище.

– Я обожаю загадки. Эту я, кажется, могу отгадать.

– Я вас слушаю.

– Месяцы. Если считать их на пальцах, то третий месяц – март. Он соответствует третьему, среднему пальцу левой руки. Август – восьмой месяц, соответствующий третьему, среднему пальцу правой руки⁷. Ваша Леонтина показала своей семейке два средних пальца – получите, мол, вот вам, а не наследство!

⁷ Mars-aout – «март – август» (*фр.*), звучит как «марс-у». – *Прим. пер.*

Рене хвалит гипнотизершу за догадливость.

– Вы хотите сказать, что перед смертью она послала их куда подальше?

Госпожа графиня Леонтина де Виламбрес была шаловливой старушкой и далеко не душой. Насколько я успел заметить, она знала толк в шутках.

Опал тоже переводит дух. Она надевает жакет и готова выключить направленный на сцену прожектор.

– Ваш гипноз – это что-то потрясающее! Оказалось, в моем мозгу спрятана машина времени. Здесь не нужны никакие технологии, топливо для этой машины – человеческое воображение.

– Я считаю, что одним вашим воображением дело не обходится. Вы получаете доступ к слишком большому количеству подробностей. И потом, вы не можете отправиться во времени куда захотите, вам доступны только те места и эпохи, которые видели ваши прежние кармы. Я права?

– Называйте это как хотите, но мне это представляется все более увлекательным. Я хочу еще!

– Уже поздно.

– Будем считать это послепродажным обслуживанием вашего спектакля.

– Вы уже получили от меня послепродажное обслуживание, хватит с вас. Вставайте.

– Всего разок!

Она удивленно смотрит на него, потом на часы.

– Меня ждут к ужину, так что...

– А вы позвоните и скажите, что возникло непредвиденное препятствие. У вас передо мной должок.

– До чего приставучий! Я не несу ответственности за события в ваших прошлых жизнях.

– Я не просто первый встречный. Я ваш первый испытуемый, ваш клиент. Не хотите же вы оставить клиента с ощущением, что он стал жертвой злоупотребления. Я обращаюсь к вам с законной просьбой, потому что хочу восстановить душевное равновесие и здоровый ночной сон. Знакомство с жизнью Леонтины немного продвинуло меня в желаемом направлении, но не настолько, чтобы снять весь стресс, вызванный жизнью Ипполита. Его смерть не была счастливой, ее тоже. Обе эти жизни плохо кончились.

– Опять будете грозить мне рассказом о своих злоключениях в социальных сетях? Злоупотребляю не я, а вы – моим терпением. Я ничего вам не должна.

– Должны – мой поруганный душевный покой. Покой, который вы нарушили, чтобы позабавить ваших зрителей.

Он разваливается в красном бархатном кресле и изображает решимость, как спортсмен, изготовившийся побить рекорд.

– Давайте я точно сформулирую свою просьбу. В этот раз я намерен открыть в коридоре дверь, соответствующую...

Он закрывает глаза и подыскивает оптимальную формулировку.

Чего попросить, чтобы точно не нарваться на неприятные переживания? Удовольствий, радости!

– Хочу исследовать жизнь, дарившую мне наивысшее удовольствие.

Опал, смирившись, просит его дышать глубже и начинает отсчет ведущих вниз ступенек. Одна, вторая, третья...

15.

У него мозолистые лапищи, все в грязи, с обкусанными почти до основания ногтями, ручищи поросли черным курчавым волосом. С подбородка свисает колючая борода.

Спина чешется, рядом с ним теснятся другие мужчины, тоже по пояс голые, сидящие на одной с ним скамье и тоже прикованные цепями к толстому, как бревно, веслу.

Все вместе совершают одно и то же синхронное движение вперед-назад. В ноздри бьет йодистый запах, перекрывающий тошнотворную вонь – гнили, пота, мочи и экскрементов. Над ними высится чернокожий человек, медленно и мерно бьющий в барабан, задавая ритм их монотонному качанию.

Появляется жирный человечек в чем-то зеленом, с котелком в руках.

– Похлебка! – объявляет он.

Он дает каждому хлебнуть коричневатой жижи из длинного половника. Двигаясь по проходу, он доходит до него.

– А ты обойдешься, Зенон. Знаю, ты замышлял мятеж. Ты как будто верховодишь над остальными, и если я тебя накажу, то они поймут, что их ждет, если они проявят непокорность.

Рене понимает, что в этой инкарнации он – галерник по имени Зенон.

– Я голоден, – произносит человек, в теле которого он находится.

– Ну так получай!

Зеленый ставит на палубу котелок, кладет половник, хватает кнут и принимается со свистом наносить ему удары. Сознание Рене, вселившееся в тело Зенона, чувствует при каждом ударе сильный ожог.

– Доволен, больше не голоден? Или хочешь еще? – веселится палач, обнажая в смехе десны.

Подхватив котелок с половником, он продолжает обход.

Зенон полумертв от голода, но гордость заставляет его молча стиснуть зубы.

На палубе появляется римский офицер. Спустившись на несколько ступенек, он оказывается в отсеке у гребцов. Пошептавшись с зеленым человечком, он возвращается на верхнюю палубу.

– Всем внимание! Впереди корабли карфагенян. Приготовиться к бою. В случае победы каждый получит двойную пайку и кусок мяса, – объявляет надсмотрщик.

Галерники воодушевленно галдят.

– Еще три дня отдыха в ближайшем городе Дрепане. Если нас схватят, то карфагеняне принесут вас в жертву своему богу Ваалу. Они жестокие варвары. Не забывайте, что они подвергают пленников страшным мучениям и что они каннибалы. Вас не только растерзают, но и лишат достойного погребения. Если не хотите пойти на дерьмо карфагенян, советую постараться, чтобы наш корабль оказался самым быстрым и сильным.

Человек в зеленом велит барабанщику ускорить ритм.

Сознание Рене, припомнив, что имело доступ к мыслям Леонтины, пытается проникнуть в мысли Зенона. Он роется в его памяти. Там воспоминания о детстве на Сицилии, об играх с братьями и сестрами среди олив. О временах, когда он работал вместе с отцом в порту Сиракуз. О плавании под парусом. И о высадке римлян, которые, ничего не объясняя, хватают всех мужчин и заковывают их в цепи. Они объявляют, что некоторые отправятся добывать руду, а другие – на галеры.

Дальнейшие воспоминания Зенона не отличаются от воспоминаний других галерников: все они прикованы к веслу, едят суп, спят на своей скамье, не могут покинуть корабельный трюм, видят, как соседи мрут один за другим от изнеможения и от болезней, слышат бой ненавистного барабана, подставляют спины под кнут. Рене убеждается, что и вправду пытался сбежать и подбивал других к бунту, но был выдан за краюху хлеба, лишен еды и бит. Он знал, на что шел.

Рене отвлекается от воспоминаний Зенона и возвращается к неприглядной реальности. В прорези для весла он видит море. Вдали можно разглядеть корабли неприятеля. Похоже, они мельче, зато у них шире паруса, а значит, они быстрее и маневреннее. На свободе Зенон с ума сходил по мореплаванию и интересовался всеми судами, которые бороздили воды Средиземного моря. Он знает, что карфагеняне – отменные корабли. Римляне восполняют тяжесть и медлительность своих кораблей количеством гребцов и огромными железными таранами на носу. При сильном ветре преимущество оказывается на стороне карфагенян, при слабом – на стороне римлян.

Карфагенские корабли приближаются, завязывается бой.

Барабанщик колотит в барабан все быстрее, подчиняться ритму становится все труднее. Гребцы дружно ахают, чтобы быстрее грести.

Неожиданный удар, треск дерева. Галера замирает. Зенон догадывается, что произошло. Их корабль таранил вражеский и проломил ему борт. Над их головами раздаются победные крики римских солдат.

Галерники тоже рады: они на победившем корабле, их ждет хлеб, мясо, отдых. Но тут начинает тянуть маслом и горелым. Этому у Зенона тоже есть объяснение, и совсем не радостное: не иначе карфагеняне метнули в них при помощи катапульта подожженные туки шерсти. Слышны крики. Все римские солдаты прыгают в воду, чтобы вплавь добраться до

другого корабля, и бросили прикованных к веслу галерников на горящем судне.

Зенон действует не раздумывая. Все цепи замкнуты одним огромным замком в конце прохода. К счастью, Зенон может дотянуться до замка со своего места. Используя как рычаг копье, он выдирает из скамьи два гвоздя и пытается сломать замок. Остальные галерники, оцепенев, наблюдают за ним.

Зенону удастся открыть замок. Его благодарят криками. Он поднимается на палубу и учит остальных, как потушить огонь.

Огромными усилиями пожар обузdan. Галерник-сицилиец ищет еду, но от нее осталась одна зола. Он бежит на корму и хватает рулевое весло, почти не пострадавшее в бою и еще способное послужить.

Перед ним картина боя. Справа римляне, их легко узнать по красным парусам с черным орлом, сжимающим в когтях буквы, обозначающие Римскую республику, – SPQR, слева карфагеняне под белыми парусами с синим дельфином на фоне желтого солнца.

Он должен выбирать.

Справа его наградят за спасение судна, но оставят галерником. Слева он уже не будет галерником, зато есть риск быть принесенным в жертву Ваалу или быть съеденным на местном пиру. Он не любит римлян, но, по крайней мере, знает, чего от них ждать, с карфагенянами же совершенно

не знаком.

Что лучше, знакомый или незнакомый враг? Ему, открывшему замок и справившемуся с пожаром, доверяют собраты-галерники, они ждут его решения.

Рене понимает, что наступил момент для его вмешательства.

– Гребни к карфагенянам! – бормочет он.

Так он надеется выяснить, является ли связь двусторонней. Они говорят на разных языках, тем не менее он понимает Зенона, не значит ли это, что и тот его поймет?

– К карфагенянам! – повторяет он громче.

Зенон трясет головой, сжимает себе виски, как при мигрени.

– Кто это говорит у меня в голове? – шепчет он.

– Я – будущий ты. Это сложно объяснить, просто согласишься с возможностью того, что я – дух человека, которым ты будешь через...

Скажу, что через две тысячи лет, – ни за что не поверит.

– ...через несколько лет.

– Как ты умудряешься говорить внутри моей головы? Ты – бог?

– Современный способ, опять-таки так сразу не объяснишь. Просто запомни, что я – будущее развитие твоего духа, обитатель другого тела, способный возвращаться назад и с тобой разговаривать.

– У меня болит голова. Уйди. Я очень занят.

– Понимаю, это трудно принять, если раньше ни с чем таким не сталкивался, но, умоляю, прислушайся к моему совету! Я знаю, чем кончится этот бой, и знаю карфагенян. Могу тебя заверить, что они не варвары и не каннибалы. Римляне наплели вам все это, чтобы оправдать свои войны. Просто карфагеняне – их соперники на морских торговых путях. Они культурные и миролюбивые. Плывите к ним и ничего не бойтесь.

– А кто поджог этот корабль и чуть не изжарил всю команду? Все мы могли превратиться в уголья!

– Они метили в римлян, а не в галерников. Вспомни, как тебе досталось, Зенон. Ваши настоящие враги – те, кто заковал вас в цепи, морил голодом и охаживал кнутом.

Вняв внутреннему голосу, Зенон направляет римский корабль в сторону карфагенян. Галерников тепло встречают на корабле с пуническими символами дельфина и солнца.

Карфагенянка с длинными волнистыми волосами, в сиреневом платье, подходит к Зенону и пристально на него смотрит. Он показывает жестом, что голоден. Она приносит ему хлеба.

Он подносит хлеб к ноздрям, нюхает, как цветок, и, дрожа, кусает. Мякоть на языке, вкус муки, хруст корочки на зубах – все это необыкновенные, волшебные ощущения. Женщина дает ему чашу с оливковым маслом, и он обмакивает туда хлеб. Вкус делается еще волшебнее. Его охватывает небывалое блаженство. А тут женщина дает ему еще кое-что

– сосуд с багровой влагой. Он догадывается, что это, и с дрожью произносит в мыслях полузабытое слово. Вино! Третий продукт, оказавшийся у него во рту, усиливает небывалое ощущение от двух первых.

Никогда еще он не чувствовал на языке и в горле ничего подобного этому. Каждый кусочек хлеба, каждая капелька оливкового масла, каждый глоточек вина приводят его в бурный восторг. Заряды наслаждения, рождаясь во рту, пронзают все тело.

Карфагенянка улыбается ему, гладит по голове.

– Не торопись. Теперь ты свободен.

И она ласково целует его в лоб. После всего пережитого, после всех страданий, после всех страхов это вино, этот хлеб, это оливковое масло, эти слова, прозвучавшие именно сейчас, этот нежный поцелуй пленительной карфагенянки – все вместе посылает сладостные волны в его мозг, откуда они разбегаются по всему телу.

Первая, вторая судорога удовольствия, ноги и руки становятся как чужие. Он больше не может сдержаться и смеется, это смех сквозь слезы.

Рене осторожно устраниется. Он еще дрожит, его еще бьет током радости и экстаза, испытанных им прежним. Он наблюдает за происходящим извне.

В этот момент совсем рядом раздается женский голос.

Пять, четыре...

16.

Щелканье пальцев. Звонок в дверь.

Рене еще полон только что пережитого.

Опал идет посмотреть в глазок и, вернувшись, сообщает:

– По-моему, там ваша коллега.

– Как она за меня переживает! Сидим тихо, она постоит и уйдет.

И действительно, несколько звонков – и тишина.

Опал поворачивается к нему:

– Она вам кто? Просто коллега?

– Друг.

– Похоже, вы ей очень дороги.

– Мы сильно связаны. Сегодня утром она видела меня полностью выбитым из колеи. Это она посоветовала мне к вам вернуться.

Опал снова смотрит в глазок.

– Все, уже ушла.

Она садится напротив него.

– Ну, как было в этот раз? Потрясающе?

– Ипполита я видел, Леонтину видел и слышал, а Зенона – его звали Зенон – не только видел и слышал, мы разговаривали! От раза к разу обмен с моими предыдущими воплощениями совершенствовался.

– В общем, вы довольны.

– Очень поучительно.

– Должна признать, Рене, что вы делаете впечатляющие успехи. Можно даже сказать, что у вас дар к таким духовным экспериментам.

Она приносит ему стакан холодной воды. Поднося его к губам, он вспоминает, что чувствовал, когда его поила карфагенянка.

– Это то, чего вы хотели? Жизнь, в которой poznали наибольшее удовольствие?

– Я только что понял, что удовольствие – относительное понятие. Порой это прекращение боли. Чем сильнее боль, тем сильнее восторг от исцеления. Когда за длительными лишениями следует простое удовольствие, это может породить величайший экстаз.

– По принципу контраста?

– Вот именно.

Он пьет воду мелкими глотками, как будто это нектар.

– Мне становятся понятнее некоторые мои решения, когда приходилось делать выбор. Я обожаю сицилийское вино, постоянно езжу в отпуск на Сицилию, предпочитаю южное побережье, моя страсть – Пунические войны, я ненавижу все, хотя бы отдаленно связанное с барабаном и с ударными установками.

Он хватается свой мобильный телефон и пишет в строке поиска: «морской бой Рим Карфаген Сицилия».

– Так я и думал: это было сражение при Дрепане у сици-

лийских берегов в 249 году до нашей эры. Величайшая победа карфагенского флота, когда флотоводец Адгербал разгромил консула Публия Клавдия Пульхра. С обеих сторон сошлось 120 кораблей. Господи, не могу поверить, я при этом присутствовал, я был участником!

– Вижу, этот последний опыт вы оценили по достоинству. Что ж, ваша вчерашняя травма зажила?

Она уже встает и надевает жакет, готовая покинуть театр.

– Вы шутите? Я был галерником! Да, в конце я получил удовольствие, но просто по контрасту, а жизнь-то моя была кошмарной! Между прочим, вы отправляете меня только в те места и времена, где я влачил кошмарное существование. Подытожим вкратце: сначала грязные траншеи Первой мировой войны, где мне протыкают башку кинжалом, потом я агонизирую в окружении своей семейки, которой от меня нужны только деньги, в третий раз меня стегают кнутом на скамье гребцов! У меня было другое представление о туризме.

Опал не скрывает нетерпения.

– Что поделать, если нашим предкам жилось несладко. Вряд ли многие в прошлом испытывали сплошные удовольствия. Большинство знало только долг, труд, болезни, голод, и кончалось все мучительной смертью.

– Хочу побывать в еще одном моем прошлом существовании.

Она сердито откидывает рыжие пряди со лба.

– Знаете что, вы – капризный ребенок: вцепились в новую игрушку и топаете ногами, когда ее отнимают.

– Я получил ранение по вашей вине. Теперь я хочу, чтобы рана зарубцевалась и чтобы ко мне вернулся сон.

– Все, хватит. Я ухожу.

Он хватается ее за руки и останавливает.

– Что у вас на уме? Хотите меня убить, как убили... немца?

Она знает?!

Он сильно встревожен, но берет себя в руки.

Нет, наверное, это намек на одного из немцев Инполита.

– Хочу, чтобы вы отправили меня в прошлую жизнь, приятную от начала до конца.

Она нехотя садится.

– «Приятная жизнь» – это очень субъективно. Сами во всем виноваты, надо четче формулировать заказ.

– Ладно, допускаю, что до сих пор получал то, чего просил. Я был неточен, отсюда удручающие результаты.

– Чего, собственно, вы хотите теперь, Рене?

– Хочу вернуться в свою прошлую жизнь, где было...

О чем попросить? Чего именно мне не хватало в трех других жизнях, где я побывал? Чего не хватает сейчас, какого сильного ощущения?

– Хочу туда, где у меня случилась самая большая любовь. Она чувствует, что это не все.

– Хочу оказаться там перед знакомством, чтобы все как

следует прочувствовать, – уточняет он.

Она все еще молчит, и он договаривает:

– Хочу пережить это чувство в наилучшем возрасте, в расцвете сил, в здравом уме, в мирной стране, желательно с хорошим климатом.

Опал косится на часы. Какая навязчивость.

– Так или иначе, на ужин вы уже опоздали. Времени теперь вагон.

Она пожимает плечами:

– Только давайте условимся: это в последний раз. Если вы снова попадете в неподходящую ситуацию, я ни при чем.

– Кажется, я понятно изложил свое пожелание.

– Ну тогда расслабьтесь и закройте глаза.

Ритуал повторяется, бронированная дверь бессознательно остается позади. Сначала Рене не видит освещенных дверей, потом оказывается, что мигает красная лампочка над дверью номер 1. Из-под нее сочится солнечный свет.

Он говорит себе, что номер 1 – это, по логике вещей, эпоха задолго до Зенона, жившего в III веке до нашей эры. Как бы не вселиться в доисторического человека, а то и вовсе в примата. Он опять корит себя за неумение четко изложить свои пожелания.

С одной стороны, полное здоровье, расцвет сил, душевное здоровье, мир. С другой стороны – чуть ли не обезьяна... Что это будет за роман? С пещерной женщиной, с приматом?

Пока я не войду в эту дверь, ответа не будет.

Он в страхе поворачивает дверную ручку и оказывается...

17.

...перед пляжем с мелким белым песочком, окаймленным кокосовыми пальмами. Бирюзовый океан безмятежен и прозрачен. Вдали резвится стайка дельфинов, с пронзительным свистом выпрыгивающих из воды.

Встает солнце, заливающее все розовым светом. Тепло, упоительно пахнет экзотическими цветами.

Рене смотрит на свои руки и убеждается, что у него пальцы 30-летнего мужчины. Тревожно то, что на запястье часы, тоже принадлежащие Рене Толедано.

Он осматривает свою одежду. Она в точности такая, какую носит он. Он подносит руку к лицу и нащупывает очки: мужские, XXI века.

Как это возможно?

Он говорит себе, что в этот раз эксперимент не удался. Он попал туда, где обитает в таком же теле, как сегодняшнее.

Он шагает в своих городских ботинках по пляжу. Вдали виднеется человеческая фигура. На плоском камне сидит в позе лотоса, лицом к морю, мужчина в бежевой юбке. Его глаза закрыты, но он сразу поднимает веки.

Они смотрят друг на друга.

– Здравствуй, – говорит незнакомец.

Рене озирается и убеждается, что человек обращается к

нему.

– Да, я говорю с тобой.

– Вы... вы меня действительно видите?

– Вижу, слышу, говорю с тобой. Мы друг друга понимаем, потому что пользуемся универсальным духовным языком. Это диалог душ сквозь время и пространство.

– В каком я теле?

– У тебя тот облик, который лучше всего тебе подходит. Этого пожелал я: видеть тебя извне, таким, каков ты в своей эпохе, а не изнутри. То же самое и со мной.

– Разве это возможно?

– Конечно, достаточно захотеть.

– Я думал, что окажусь...

– Внутри моего сознания?

– Обычно происходит так.

– Я так захотел, чтобы мы могли вести естественный диалог, были двумя разными людьми.

Человек протягивает ему руку:

– Меня зовут Геб, а тебя?

– Я... Я Рене.

Геб – сама улыбчивость и непринужденность, он пышет здоровьем, излучает спокойствие. У него мускулистый загорелый торс, ясные голубые глаза в тон голубой окантовке на бежевой юбке. Он манит Рене дружеским жестом. Рене подходит ближе.

– Очень рад знакомству, Рене. Знаешь, кто я?

– Кажется, да.

– Я – воплощение твоего прошлого. Ты – воплощение моего будущего. Я – тот, кем ты был, а ты – тот, кем буду я.

– Значит, вы тоже в курсе?

– Да, благодаря «перспективной медитации», позволяющей путешествовать в мои будущие жизни. Я решил не вселиваться в тебя, не видеть твою эпоху, а вызвать тебя в мою, чтобы мы могли побеседовать здесь. А к какой технике прибегаешь ты, чтобы увидеть меня?

– К регрессивному гипнозу. С его помощью посещают прошлые жизни. Мне представляется коридор с дверями, на них номера. Каждая дверь соответствует одной из жизней.

– За какой дверью ты?

– За 112-й.

– А я?

– За 1-й.

– Значит, между нами сто одиннадцать реинкарнаций?

– Я – последняя, вы – первая, во всяком случае в моем коридоре. У нас много шансов встретиться.

– Знай, мощь твоего сознания гораздо больше, чем тебе кажется. Главное – ясно сформулировать запрос.

Это не так просто, когда не знаешь последствий своего выбора.

Человек в бежевой юбке как будто доволен этим разговором.

– Многие ничего не предпринимают, потому что не имеют

представления о своих возможностях. Это проблема. У нас говорят: «Хочешь – значит, можешь». Считается, что происходит все, чего по-настоящему желаешь. Единственная проблема – это что порой, когда наше желание сбывается, оказывается, что это не то, чего хотелось, или же удивление от обретения желаемого так велико, что человек не перестает желать еще и еще.

– Хотелось бы мне, чтобы все было так просто.

– Что делать, если все просто? Единственные пределы – те, которые мы сами себе устанавливаем, – говорит удивительный человек уверенным тоном, предлагая Рене сесть напротив.

Они осматривают одежду и облик друг друга. Геба, кажется, удивляет его обувь, очки, часы, но он ничего об этом не спрашивает.

Должно быть, я для него – человек будущего, олицетворение научной фантастики. Наверное, если бы я сам увидел какое-нибудь свое будущее воплощение, то тоже немного растерялся бы.

– Рене, ты должен был высказать пожелание, чтобы здесь оказаться. Чего ты попросил?

– Попасть в жизнь, в которой у меня была величайшая любовь.

Гебу смешно.

– Выходит, жизнь, в которой случился величайший любовный роман всех «наших» существований, – моя?

– Выходит, так, – соглашается Рене. – А почему вы пожелали встретиться со мной?

– Я захотел познать жизнь, в которой я сильнее всего повлиял на историю человечества.

Оба молчат.

– И эта жизнь... моя? – выдавливает Рене.

– Я больше никого здесь не вижу.

Рене машинально оглядывается, но никаких других людей вокруг нет.

– Должен вам признаться, мсье Геб...

– Просто Геб.

– Так вот, Геб, моя профессиональная деятельность позволяет мне влиять не более чем на четыре класса по тридцать человек в каждом ежегодно. Я преподаю историю, учу детей познанию прошлого. То есть в весьма ограниченном масштабе влияю на моих современников. А чем занимаетесь вы?

– Я астроном. Забавно, что мы с тобой друг друга дополняем. Ты знаешь, что происходит во времени, я знаю, что происходит в пространстве. Мне это нравится. Я хочу сказать, что мне нравится стать однажды... тобой.

– Мне тоже нравится, что однажды я был... вами, – отвечает Рене любезностью на любезность.

– Почему?

– У вас такой непринужденный вид! Никогда не видел настолько расслабленного человека. Место, где вы живете,

тоже симпатичное, погода лучше не придумаешь, ваша деятельность не очень утомительна, вы, похоже, ею увлечены. Но где и когда вы, собственно, живете?

Внезапно земля начинает дрожать. Все движется. Валятся деревья. Второй толчок, слабее первого. Потом все стихает. Откуда-то доносится звук трубы.

– Мне бы хотелось поговорить с тобой еще, Рене. Безусловно, мы можем многое друг другу сказать. Но у нас тут, как ты обратил внимание, дрогнула земля.

– Землетрясение!

– Время от времени так бывает. Без этого было бы скучно. Не беда, ничего страшного, если разобраться. Раз выжил, значит, все хорошо.

Это произнесено так безмятежно, как будто дело ограничилось заурядным ливнем.

– Но даже если нет трагедии, труба зовет нас идти восстанавливать рухнувшие жилища. Давай встретимся завтра, в этом же месте и в этот же час. С поправкой на расхождение во времени здесь и у тебя, конечно.

Голубоглазый человек в бежевой юбке отворачивается и уходит по тропинке с пляжа.

Рене остается один. На песке стоит дверь. Он проходит через нее. Снова он в коридоре с дверями, на каждой медная табличка с цифрой. Он находит дверь 112, переступает порог своего бессознательного, видит лестницу.

Он поднимается по ступенькам.

Снаружи звучит женский голос, ведущий обратный счет:
– 10, 9, 8...

18.

– ...2, 1, 0.

Он не открывает глаз.

– Ноль, – повторяет она.

Он соглашается медленно разжать веки и первым делом смотрит на часы. На них 23:23.

– Ну? Как все было в этот раз?

Коридор обладает большой силой. Коридор очищает. Коридор все проясняет. Коридор оказывает невероятное действие.

Он задает гораздо более широкую перспективу. Даже фраза «я убийца» утрачивает важность. Да, я убийца, но далеко не только.

Я также молодой солдат Первой мировой войны. Еще я разочарованная старая графиня. И полный надежд галерник с Сицилии.

И еще я – 111 других жизней.

Я начинаю понимать. Теперь мое сознание расширяется от нового понимания: я – не только сам я. Я гораздо больше этого.

Гипнотизерша волнуется:

– Все хорошо, Рене?

Рене встряхивается. Он старается вспомнить все подробности своего последнего погружения.

– Прогресс продолжается. С Ипполитом я мог видеть то, что видел он. С Леонтиной я мог видеть ее глазами и слышать ее мысли. Став Зеноном, я мог видеть, как он, слышать его мысли, беседовать с ним извне. Геба я не только видел, не только с ним говорил. Он тоже меня видел, и мы беседовали, как два разных человека.

Она приглаживает свои длинные рыжие пряди.

– Вы слышали наш диалог? – спрашивает он.

– Вы каждый раз описываете то, что видели, пересказываете, что говорили и что вам отвечали. В этот раз все это было удивительно, ведь все происходило, как вы утверждаете, гораздо раньше III века до нашей эры.

– Кое-что от вас, наверное, ускользнуло: насколько Геб непринужденный. Никогда еще не видел такой непосредственности и расслабленности. От него исходит поразительная беззаботность и такая же сила. Я могу измерить это спокойствие, сравнив его со стрессом солдата Ипполита, с отращиванием графини де Виламбрез, с болью Зенона. Геб был совершенно безмятежен. Ничто его не страшит, ничто не заботит. Не знал, что можно быть настолько расслабленным. Я просил спокойной жизни, но это превосходит мое воображение. Как описать вам эту степень довольства? Можно подумать, что Геб с самого рождения не знал ни малейших трудностей...

– Ваши достижения поражают.

– По сравнению с другими испытуемыми?

– Я уже вам говорила, вы первый, до вас никого не было.

Вы видели, как провалилась Каролин, сегодняшняя добро-
волица. Ее бесстрашие не увенчалось успехом: то ли скепси-
са было многовато, то ли одаренности маловато, не то, что
у вас.

Помявшись, она продолжает:

– Я должна кое в чем вам признаться. До вас я знала весь
этот протокол только в теории, изучать изучала, но никогда
не пробовала применить. Поэтому вы – самый настоящий
первопроходец. Я думала, что броситься в воду – верный
способ поплыть, но теперь убеждаюсь, что с такими опытами
можно и утонуть. Бывает – как сегодня, с женщиной, – что
ничего не получается, сами видели.

– Вы отправляете людей к их зарытым воспоминаниям, не
имея представления, что они там раскопают. Воспользуюсь
вашим сравнением: вы – как инструктор подводного плава-
ния, впервые отправляющий новичков под воду.

– Потому я и согласилась вас «отремонтировать». Я не
отдавала себе отчета, что при исследовании самых глубоких
слоев можно наткнуться на чудовище из преисподней. Пожа-
луй, я поменяю название своего представления. Хватит сло-
ва «гипноз», обойдусь без «погружения в прежние жизни». В
этом погружении всё во власти случая и, судя по вашему
опыту, чревато травмами. Я не смогу обеспечить слепопро-

дажное обслуживание всем тем, кто случайно угодит в свое ужасное прошлое.

– Каким же будет новое название?

– «Гипноз и иллюзионизм». Ну и магический суперфокус, я научилась ему от отца, называется «Помимо меня». Он успешно заменит регрессию. Этим волшебством я, по крайней мере, отлично управляю.

Рене все это одобряет, и она продолжает:

– Я очень вам признательна, Рене. Благодаря вам я поняла, что исследование своих прошлых жизней – деликатное и порой опасное занятие. Причина проста: в жизни наших предков чаще было мало приятного. А вот вам повезло: вы попали к предку, достигшему истинного спокойствия.

Он согласно кивает.

– Ну как, теперь довольны?

– Теперь – да.

– Уверена, сегодня вечером вы уснете как дитя. Теперь вы понимаете, как происходит погружение в вашу память, и можете спуститься туда самостоятельно и продолжить общение с Гебом.

Гипнотизерша надевает куртку и гасит прожектор. Рене уже ее не задерживает. Она дает ему свою визитную карточку.

Он читает:

Опал Этчегоен

Психолог-гипнотизер

06 xx xx xx xx

7, улица Орфевр

75001 Париж

Она смотрит на него:

– Буду рада, если вы мне позвоните, мсье Толедано.

– Чтобы отчитаться, сумел ли я уснуть?

– Чтобы рассказать, где и когда жил этот Геб. Простое любопытство. Хотя нет, не только: мне будет приятно знать это в точности. Не возражаете?

19.

Он идет по набережной Сены.

Вот здесь я его убил.

Он тяжело вздыхает.

Этот скинхед, с которым меня свела судьба, – кем он был раньше? И кем он будет потом?

Он смотрит на воду, на всплывшуюдохлую крысу: течение несет ее наискось.

Хватит жалеть о своей судьбе. Теперь я знаю, что память не лежит в одном месте. Мест много. Открыв другие залежи своей памяти, я превратился в человека, способного на убийство.

Он возвращается домой и ложится, надеясь, что в этот раз уснет.

Он вспоминает Геба – такого спокойного, флегматичного, отрешенного. Даже то, что он просто его видел, говорил с ним, обменивался взглядами на мир, раскрыло перед ним новые перспективы. Благодаря этой простой встрече он почувствовал, что... в жизни ничего не страшно.

Пока ты жив, любые сложности – всего лишь рябь на потоке жизни. Без них было бы скучно.

Эта встреча, такая короткая, преобразила Рене. Она оказала на него влияние, диаметрально противоположное влиянию двери номер 109, впустившей его в Ипполита Пелисье. Выходит, знание прошлых жизней порой приносит вред, а порой оказывается благословением.

Так мало времени вместе, а какой букет чувств! С Ипполитом у меня было чувство тяжести, с Гебом – легкости.

Рене Толедано натягивает простыню на подбородок и засыпает, вспоминая мельчайший белый песок пляжа в тени кокосовых пальм, веселых дельфинов в океане и воздух, пропитанный ароматом экзотических цветов.

20.

«Мнемозина». Неизбежность линьки

Все постоянно изменяется. Наша плоть, наше со-

знание.

В Древней Греции символом реки забвения Леты был змей, сбрасывающий кожу у всех на виду. Чтобы появилась новая кожа, надо сбросить старую.

Во время линьки змея слепа. После линьки ей надо избавиться от старой, мешающей ей двигаться кожи.

Точно так же, пока мы спим, происходит сортировка. Наши воспоминания о минувшем делятся на две части: на те, которые надо забыть, и те, которые надо запомнить. Парадоксальным образом забвение – избавление от старой кожи – необходимо для нормальной работы мозга: если бы нужно было помнить все случившееся за день, то мозг быстро захламился бы и переполнился. Он уставал бы переваривать такую массу информации, и мы не могли бы ни размышлять, ни накапливать новые воспоминания.

Что до снов, то их назначение – собирать ошибочно отброшенные крупницы воспоминаний, которые считает нужным сохранить подсознание.

21.

Веко медленно приподнимается, как занавес над сценой. Настенные часы показывают 7:30. Сон вернулся. Он спал. Можно потянуться.

Он чувствует себя гораздо лучше. Он идет в ванную и

пьет, сложив ладони ковшиком. Глядясь в зеркало, он вспоминает мать.

Мама прививала мне чувство вины.

«Напрасно ты...» «Ты ошибся». «Уверена, у тебя ничего не выйдет».

И ее знаменитое: «Повинную голову меч не сечет».

Он помнит, как она незаметно учила его чувствовать себя всегда и во всем виноватым. Доходило до того, что он часто задумывался, не он ли – причина любого неустройства на свете.

Мать говорила ему: «Довольно одной капли уксуса в молоке, чтобы оно свернулось. Это эффект бабочки: мелкая глупость влечет лавину непоправимых бед. И ты, как назло, совершаешь эту мелкую глупость».

Моя мать совершенно меня не уважала, но сам я должен себя уважать. Мне надо быть снисходительнее к себе.

Хватит с меня упреков и нравоучений, пора утешить обиженного ребенка у себя внутри.

Сначала исцеление, потом самоедство – если понадобится.

Геб показал мне, как жить по-другому, пора прекратить самобичевание, хватит себя упрекать, причинять себе боль, кормить укоризненного призрака матери у себя на плече.

Ну, убил скинхеда, что сделано, то сделано, что толку думать только об этом, сделанного не вернуть.

Он одевается, включает интернет и пишет в поисковике:

«В Сене выловили труп». Ничего. А если «утонувший скинхед»? Никаких упоминаний убийства.

Он облегченно переводит дух.

Может, утонул, может, съеден рыбами, разрублен винтами баржи... Может, я выкручусь, может, обойдется без расследования?

За завтраком он вспоминает свою привычную последовательность утренних дел, бывших до его встречи с Опал машинальными. Спohватившись, что не побрился, он возвращается в ванную.

Следи за выражением лица.

Он видит в зеркале череду физиономий: Ипполита Пелисье, Леонтины де Виламбрес, Зенона, Геба.

Это все я. Я – плод выбора 111 человек, сказавших себе, видимо, что в следующей жизни они не хотят сталкиваться с теми же трудностями.

Он едет в лицей. Стоя в пробке, он размышляет.

Душа становится водителем, меняющим машины. Дух меняет тела и жизни.

После тяжелой жизни галерника душа, наверное, возжелала удобств. После жизни Леонтины, не имевшей искренней любви в семейном кругу, она, по всей видимости, захотела отдохнуть от семьи. После жизни простого солдата Первой мировой, не принадлежавшего себе, у нее возникло желание стать главой семьи.

Он машинально включает радио. Ведущий сообщает:

«Водитель врезался на грузовике в толпу у супермаркета, раненых по меньшей мере двадцать. Несмотря на то что водитель выкрикивал религиозные лозунги, версия теракта уже исключена. Полиция склоняется к версии действий одиночки, страдавшего психическим расстройством».

«Конституционный Совет заблокировал законопроект, позволявший детям, от которых отказались родители, узнавать, кто произвел их на свет. По некоторым данным, больше 30 % законных отцов не являются биологическими, и члены Конституционного Совета опасаются, как бы эта информация не создала неразрешимые проблемы».

«Скончался последний выживший узник концлагерей, проживавший в Лондоне. Сообщение об этом поступило одновременно с появлением слухов, что в Англии принято решение не упоминать больше о концлагерях в школьных программах по истории во избежание конфликтов между некоторыми родителями. Напомним, что ревизионистские теории вошли в моду в ряде стран Магриба и Ближнего Востока, где отрицание геноцида официально преподается в школах. Французский министр образования, со своей стороны, отметил, что выступает за продолжение преподавания Холокоста, невзирая на усиливающееся давление ряда родителей учеников».

«Новости по делу Фионы. Напомним, Сесиль Буржон, ее мать, потребовала в мае подвергнуть ее сеансу гипноза, чтобы она вспомнила, где зарыла труп своей дочери (убитой ею

при сообщничестве сожителя, Беркана Маклуфа). Следом за Бельгией Франция признала законную силу полученных под гипнозом показаний в рамках уголовного расследования».

«Погода: сохранится ясная, теплая погода, кое-где возможна сильная жара».

Оставив машину на стоянке, Рене Толедано идет в лицейский двор, где приветствует статую идола молодежи.

Из двери своего кабинета ему одобряюще машет директор лица.

Прежде чем предстать перед учениками, он посещает туалет. Для очистки совести он проверяет на смартфоне, не появилось ли сообщений об утопленнике в Сене.

В его жилах застывает кровь.

«Из Сены достали мертвое тело. Утонувший опознан как Гельмут Кранц, бездомный, живший главным образом на правом берегу Сены. Свидетелей, а также любого, обладающего информацией, просят обратиться в полицию».

Это должно было произойти. Его нашли, скоро найдут и меня.

Он опять борется с побуждением сдать полицию. И опять одумывается, причем быстрее, чем в прошлый раз.

Встреча с Гебом начинает приносить плоды. Я меньше тревожусь. Спасибо его мантре: «Ничего, не беда. Покуда жив, все хорошо».

Это оказывает на Рене отрезвляющее действие.

Найдет его полиция или не найдет, тревожиться нет смыс-

ла, это ничего не изменит.

Он спускает воду. Он готов начать день, как бы ни пошли дела.

Он выходит на арену, смотрит на всех учеников по очереди.

А они кем были до рождения? Может, тоже воевали и хладнокровно убивали. Может, тоже бывали в прежних жизнях чудовищами во плоти.

Он делает глубокий вдох и начинает урок, следуя своему замыслу. На экране написано: «Ложь официальной истории и скрытая правда».

– Раз вы требуете конкретных примеров, то вот – Карфаген.

На экране появляется картина боя античных галер.

– Пунические войны были войнами народа-освободителя с народом-поработителем. В 218 году до нашей эры карфагенский полководец Ганнибал Барка отправил армию в Испанию, а оттуда в Галлию. Эта армия несла народам свободу, побуждала их учреждать системы демократического управления. Во Вторую Пуническую войну он перевалил со своими слонами через Альпы и, будучи тонким стратегом, разгромил римскую армию на севере Италии, в частности в знаменитой битве при Каннах. Потом он освободил от римского ига народы Северной Италии, которые встретил на пути. Осадив Рим, он щадил врагов, вместо того чтобы убивать, веря в то, что насилие не выход, и надеясь, что римляне пой-

мут, что другие народы надо уважать, а не угнетать.

Один ученик поднимает руку:

– Почему, мсье, другие учителя говорят по-другому?

– Виноват Жюль Мишле, историк XIX века, возведший небылицы в ранг непогрешимых истин. Он пел хвалу римлянам, народу-захватчику, чьи историки выжили, в отличие от убитых карфагенских.

– А наши предки галлы? – робко интересуется другой ученик.

– Подлинная история наших предков галлов неизвестна, потому что у них не было своих историков, только друиды и барды. У кельтов преобладали устные предания. Чтобы составить суждение о вторжении римлян в Галлию, мы вынуждены довольствоваться одной «Галльской войной», книгой Цезаря – его пропагандистским оружием в борьбе против соперника Помпея и за власть над Римом. Повествование Цезаря о своем вторжении стало любимым, популярнейшим сериалом для сотен тысяч римлян. Цезарь понял, что людям скучно и что ничего не пленяет их так, как истории, где римлянин завоевывает земли народов, объявленных варварскими. Реалистичность отходила на задний план, уступая захватывающему содержанию. Возможно, никакого Верцингеторикса не было, его изобрел Цезарь, придумавший противника себе под стать.

– Примерно как греки с минотавром? – спрашивает ученик из переднего ряда.

– В точности так же. Изобретение несуществующих врагов позволяет оправдать худшие злодеяния.

Один из учеников в затруднении. Рене предлагает ему высказать сомнения.

– Почему Мишле стал единственным официальным авторитетом по событиям прошлого, мсье?

– Потому что он фантазировал страстно, воодушевленно, увлеченно и сумел вызвать эмоциональный отклик. Он умел изображать и драмы, и счастливые развязки, в отличие от других историков, только и делавших, что перечислявших факты, имена и даты. Жаль, что он поставил свой талант на службу не истине, а чрезвычайно субъективному ее толкованию.

Рене старается высечь в граните запоминающуюся формулу.

– Из народов, имеющих и письменность и историков, в коллективной памяти останется тот, чей историк сумеет поведать об истории трогательнее всего.

Он переходит к следующим слайдам.

– Итак, нашу память о Древнем Риме сконструировали Тит Ливий, Светоний, Тацит, Цицерон, о Древней Греции – Фукидид и Геродот.

– Тогда все, что мы знаем о римлянах, – неправда?

– Нет, не все, но нельзя забывать, что все это – фрагментарные и предвзятые представления. Они мешают нам понять сложную реальность, мешают снисхождению к поко-

ренным цивилизациям. Так же как и Крит, Карфаген был развитой и утонченной торговой цивилизацией талантливых мореходов. С высоты времени мне кажется, что варварами были скорее римляне: они наслаждались гладиаторскими боями, превращая в зрелище ужасные страдания ради ублажения толпы, а их владыки только и делали, что резали друг друга. Представляете, из ста шестидесяти четырех римских императоров только сорок восемь почтили естественной смертью. То есть сто шестнадцать были убиты. Кровожадный, разнузданный народ. Потому они и перебили мирных карфагенян и галлов, а потом стерли все следы своих злодеяний. Мало было убить, надо было еще и измарать коллективную память.

Посередине класса поднимается рука:

– В таком случае наша история превращается в историю безнаказанных преступлений?

Неужели хотя бы один что-то понял?

– Я в этом убежден. Но есть важное условие. Когда виновных уже не осудить, приходится их миловать. Милость не значит забвение. Здесь и говорит свое слово история: она не судит, а напоминает об объективной реальности, о фактах.

– Так и надо отвечать на экзамене, мсье?

Рене находит взглядом задавшего этот вопрос ученика на задней парте и видит, что тот глядит с вызовом. Кем он мог быть в прошлом воплощении?

Занудой.

Зануда смотрит на него с нескрываемой насмешкой.

Возможно, он донимал меня и в прошлых жизнях.

Рене не намерен ему отвечать. Ему уже мнится в классе враждебность к его оригинальным речам, не соответствующим привычным официальным версиям. Важно ли это ему? Нет. Он сохраняет невозмутимое спокойствие. Таким он себе нравится.

Готово, я перестану чувствовать вину, я принимаю риск: ну и пусть меня схватят, пусть я проведу остаток жизни за решеткой. Ничего, не беда, главное, что я жив. Спасибо за твою заразную непринужденность, Геб.

Я просто буду и дальше будить умы, пока смогу.

Он на мгновение отвлекается на плывущие за окном облака.

Я жив, и я действую. Остальное вторично.

22.

Элоди Теске курит во дворе, у подножия статуи Джонни Холлидея. Увидев Рене, она тушит сигарету и идет вместе с ним в столовую.

– Сегодня ты выглядишь гораздо лучше, чем вчера.

– Я выспался.

И примирился со своим внутренним преступником.

– Приятно видеть тебя таким, – говорит Элоди, предлагая ему сесть за их обычный столик.

– Я послушался твоего совета и снова побывал у гипнотизерши. Попросил исправить то, что она наделала, как ты рекомендовала, и она согласилась.

– Вчера я волновалась, никак не могла тебя отыскать. Даже туда ходила – вдруг, подумала, ты там.

– Мы были там, но не захотели отвлекаться в разгар моего погружения в глубинную память.

Он рассказывает ей о прошедших перед ним прежних «я».

– После всего этого у меня появилось чувство, что знание правды о своем прошлом, о том, кем я был, прежде чем стать собой, позволяет не только понять собственное поведение (то, например, что я не заводжу семью, боюсь грести, люблю одиночество, парусный спорт и вино), но и открыть в себе таланты, о которых раньше не подозревал.

– Ты шутишь? Не будешь же ты утверждать, что поверил во все эти глупости?

– Я понял, что регрессивный гипноз – путь в бессознательное. Это более быстрый и яркий способ самопознания, чем психоанализ. Если бы можно было поставить применение этого способа на поток, то появилась бы возможность изучить мозг невротиков и распутать завязавшиеся там узлы. Появился бы метод объяснения их неврозов. Возможно, человек, боящийся воды, в прошлой жизни тонул, а женщина, страдающая булимией, в прошлой жизни голодала.

Элоди с досадой машет рукой:

– Я же тебе объясняла, это ментальная манипуляция, не

более того. Внедрение ложных воспоминаний без твоего ведома. Работает по принципу «предложение-приятие»: тебе предлагают представить, кем ты был раньше, и ты соглашаешься. Ты придумываешь милые истории, потому что твоему мозгу нравится эта игра. Вот и все. Ты, любитель магии, способен это понять. Это всего-навсего иллюзия собственного изготовления.

Она ищет доводы, подкрепляющие ее мысль.

– Сейчас я тебе покажу, как можно повлиять на независимую вроде бы мысль. Закрой глаза.

Он подчиняется.

– Представь висящий в небе лимон. Теперь представь руку, берущую нож, режущую лимон надвое, выжимающую из половинки сок, мякоть. Открой глаза.

Он приподнимает веки.

– Во рту полно слюны?

– Да! – признается он с удивлением.

– Как видишь, все очень просто. Я подвергла тебя внешней стимуляции. Сказала «лимон», заставила тебя представить лимон, послала твоему мозгу сигнал «лимон», значащий «кислятина», и твои слюнные железы выделили жидкость для разбавления ожидаемой кислоты. Сам видишь, никакого волшебства здесь нет, всего лишь способ подействовать на твое сознание ключевыми словами. Ты реагируешь на неосознанные стимулы, точка.

– Твой эксперимент с лимоном хорош, но откуда было

взяться стольким подробностям о мировой войне и о римских галерах? Не она же их мне внушила! Эта Опал не настолько владеет своим искусством.

– Твой разум подвергся манипуляции, был сориентирован в определенном направлении. Раз я еще не до конца тебя переубедила, загоню гвоздь глубже. Предлагаю следующий эксперимент. Вот увидишь, после него ты скажешь: «Черт, Элоди, как я мог быть так наивен?»

Она что-то пишет на бумажке, складывает, сует ему и велит зажать в кулаке.

– Придумай какой-нибудь инструмент и какой-нибудь цвет.

– Придумал.

– Назови.

– Молоток. Красный.

Теперь он должен прочесть написанное ею на бумажке. «Молоток, красный».

– Как это?..

– А вот так. 80 % отвечают «молоток» и «красный». Очень мало кто выпендривается и придумывает «синюю отвертку», «белый коленвал» или «оранжевый гаечный ключ». Я намеренно упомянула гвозди и черта: это были сигналы твоему подсознанию. Вряд ли ты мог придумать что-то еще, кроме инструмента для забивания гвоздей и красного адского пламени. Видишь, я такой же телепат, как гипнотизерша из «Ящика Пандоры» – волшебница. Ты поддаешься влиянию,

сам того не замечая, а потом искренне веришь, что действуешь самостоятельно.

Рене заинтригован, но еще не переубежден. Молодая женщина не унимается:

– Ты должен оставить эти игры. Это опасно для мозга.

Если бы только это, Элоди, если бы. Знала бы ты...

– Кто мне посоветовал туда вернуться, как не ты? Я только последовал твоему совету.

– Теперь я об этом сожалею. Я думала, что это пойдет тебе на пользу, а стало только хуже. Вот тебе мой новый совет: обрубь всякий контакт с этой гипнотизершей. И не увлекайся играми со своим мозгом. Полюбуйся на своего отца. Ты сам говорил, что такие игры ввергли его в депрессию, а потом пошли провалы в памяти.

Учитель истории встает и идет в очередь на раздачу.

– Я тебя обидела? – спрашивает она.

– Моего отца подкосила смерть моей матери.

– Ты говорил, что он с утра до вечера курил марихуану.

– Он хотел забыть похороны, а может, и саму мою маму. Хотел победить боль. Он запустил машину уничтожения воспоминаний, и она уже не переставала работать. Как попавший в компьютер вирус.

– Это называется ПТС, посттравматический синдром. Американские психологи изучали его у бывших узников концлагерей, те тоже, желая все забыть, запускали машину уничтожения воспоминаний, не имевшую обратного хода.

Так вышло и с твоим отцом. Берегись, твой спуск в ад на Дамской дороге может вызвать такой же эффект.

– Это разные вещи.

– Разные, но сопоставимые. Иногда простая мысль оказывается настолько фантастической, что действует на мозг, как соляная кислота.

Взяв полные тарелки, они возвращаются за свой столик и приступают к еде. Через некоторое время она спрашивает:

– Слушай, ты действительно в это поверил?

– Ты не пережила того, что я, Элоди. Тебе меня не понять.

Она подыскивает разящий аргумент.

– Это ты не хочешь понять, Рене! От науки не отвертишься: мысль можно заронить человеку незаметно для него.

– Прости, ты не убедила меня своим лимонным соком и красным молотком. Хотя мне любопытно, где ты научилась этим фокусам.

– У друга, его зовут Готье. Мы вместе учились в университете, были в одной компании. Он долго за мной ухаживал. Тоже был любителем магии и психологических опытов. Его привлекало искусство обмана и манипуляции. Мне это понравилось, мы начали встречаться, вступили в отношения. Он был у меня первым, и я считала, что мне больше никто не нужен. Я фантазировала, что выйду за него замуж, рожу детей, буду с ним счастлива.

Она продолжает с затуманенным взглядом:

– Все подружки мне твердили, что он безнадёжный волокит-

та, но я твердила себе, что знакомство со мной его изменило. А он изменил меня саму. Возможно, я считала себя способной манипулировать манипулятором.

Она принимается за закуску и от волнения очищает тарелку в один присест.

– Подруги оказались правы. Я узнала, что беременна, и собиралась ему об этом сообщить. Подруга повела меня в ночной клуб, где Готье целовался взапас с двумя девицами, сидевшими у него на коленях.

Она тяжело вздыхает.

– Я сделала аборт. После этого он меня нашел, произошло объяснение. Он клялся, что это была случайность, что он слишком много выпил, что знать не знал тех девиц. Он обещал, что это больше не повторится, стоял передо мной на коленях, умолял его простить, но нет, об этом не могло быть речи. Всякий раз, когда я доверялась мужчине, я кого-то теряла. Шоб манипулировал мной, и я потеряла дядю. Готье манипулировал мной, и я потеряла ребенка.

– Прости, – говорит Рене, как будто просит прощения за всех мужчин.

– Прошло время, и я его простила. Мы снова стали друзьями. Близкими друзьями. Я готовилась к преподаванию естественных наук, он стал телевизионным журналистом. Теперь он научный обозреватель на центральном телевидении, звезда, женат на актрисе, у них двое детей. Мы не теряем друг друга из виду, но, думаю, он заронил мне в душу зерна неис-

коренимого недоверия.

– Обжегшись на молоке, дуешь на воду?

– Наверное, после Шоба и Готье я уже не хотела рисковать и предпочитала мужчин-друзей, а не любовников. По этой самой причине мы с тобой – только друзья.

Рене не смеет это обсуждать.

– Знаешь, в чем разница между друзьями и любовниками?

– Я слушаю.

– Любовники приходят и уходят, а друзья остаются. А знаешь почему? Потому что друзьям можно все рассказать, им можно довериться. А когда у двух людей секс, то один всегда выигрывает, а другой проигрывает.

Она берет его за руку.

– Ты мне дорог, поэтому я не хочу, чтобы тебя водила за нос эта зеленоглазая колдунья, явно манипулирующая тобой, как ребенком.

Элоди говорит себе, что надо изъясняться на его языке, чтобы его убедить. Он любит греческую мифологию, историю, прошлое.

– Одно то, что ее баржа называется «Ящиком Пандоры», заставило тебя наострить уши. Вспомни этот миф, по-моему, он символизирует то, что с тобой происходит.

И он вспоминает.

«Мнемозина». Ящик Пандоры

В греческой мифологии Прометей похитил огонь у бога-кузнеца Гефеста, чтобы принести его смертным. Главный бог Зевс рассвирепел (такая была у него привычка). Он считал людей слишком глупыми и не заслуживающими дара, с которым они приобретут излишнее могущество. Отнять у людей огонь он уже не мог, тогда он решил наказать Прометея за дерзость. У него родился план. Он повелел Гефесту создать женщину, которая должна была увлечь героя в ловушку.

Гефест слепил из глины и воды тело, Афина вдохнула в него жизнь, дала одежду, научила ткать, Афродита наделила ее красотой и привлекательностью, Аполлон – музыкальной одаренностью, Гермес – умением лгать и манипулировать людьми. Потому она и была наречена Пандорой, «одаренной (“дорон”) во всем (“пан”)».

Согласно критериям Зевса, Пандора была образцовой смертной женщиной, божественно прекрасной. Она была девственна, прелестна, умна, полна соблазна.

Гермес познакомил Пандору с Прометеем. Но тот

(его имя значит «думающий заранее»), почуяв опасность, ее отверг. Он предостерег своего брата Эпиметея от даров Зевса.

Вопреки его предостережению Эпиметей (это имя значит «думающий потом»), повстречав Пандору, не устоял и пожелал немедленно на ней жениться. Сыграли свадьбу. У новобрачной был таинственный ящик, подарок Зевса, который запретил его открывать. В этом волшебном ящике находились все беды человечества. Поселившись в доме Эпиметея, Пандора принялась вертеться вокруг ящика (на самом деле это был глиняный кувшин), исполненная любопытства, которым ее наделил Гермес.

Однажды она, не выдержав, открыла ящик, чтобы узнать, что такого страшного хранится в таком простом вместилище.

Что она наделала! На свободу тут же вырвались все человеческие язвы: старость, болезнь, война, голод, нищета, безумие, похоть, ложь.

Поняв свою оплошность, она попробовала закрыть волшебный сосуд, но поздно, бедствия уже успели разлететься по свету. Взаперти осталась одна надежда. С того дня, как учит миф о ящике Пандоры, люди живут в страданиях и находят утешение только в надежде.

Опять у Рене тик на правом глазу.

Большинство учеников в лицейском дворе играют в мяч или сидят в смартфонах. Учитель истории замечает, что некоторые смотрят на него. Директор наблюдает сразу за всеми, забрасывая себе в рот шоколадки. Рене трудно не сравнить его с фермером, оценивающим на глазок свое стадо.

Сначала с них будут состригать шерсть. Когда это станет нерентабельно, их отправят на бойню, чтобы они появились на прилавках в виде окороков и грудинки.

А пока что стадо надо содержать в покое, так нежнее будет мясо. Стаду ни к чему подозрения о том, что превосходит его воображение.

Все бунтари – панки, рокеры, готы, анархисты, коммунисты, скинхеды – образумлены и смирно торгуют музыкой и одеждой.

Перед началом урока Рене заглядывает в энциклопедию, чтобы уточнить, какая цивилизация, знакомая с астрономией, существовала ранее 300 года до нашей эры.

Сперва он думает о шумерах, но декорации не те. Жара, мелкий белый песок, кокосовые пальмы, бирюзовая вода, дельфины – это все скорее Карибы, Индийский океан, острова Тихого океана.

Какие еще были достаточно развитые древние цивилиза-

ции? Египтян и евреев не предлагать: у них не было таких пляжей. Геб очень загорелый, но голубоглазый, а значит, не африканец, не китаец, не полинезиец, не австралийский абориген, а вполне узнаваемый человек европейской расы.

К тому же он обмолвился о своем «острове». Египет, Шумер, Иудея, Индия были материковыми цивилизациями.

Он вспоминает разговор с Элоди.

Смотри, кончишь, как твой отец.

После работы он решает навестить отца. Учреждение, где он живет, специализируется на проблемах памяти, деменции, старческого слабоумия. Девиз клиники Papillons – «Память – это всё» – вместе с эмблемой, треснутым черепом, из которого вылетают бабочки, только теперь приобретает для Рене смысл. Он опасливо ежится.

Строители, возведшие это здание, явно не обладали избытком архитектурного воображения: бетонные стены, застекленные балконы, линолеум. В холле пусто (дефицит персонала), в дверях никакой охраны. По пути к отцовской комнате Рене не встречает ни души.

На белых дверях в коридоре нет номеров, вместо них имена и фамилии. Он находит табличку «Эмиль Толедано».

Он стучится, не слышит ответа, открывает дверь.

Отец смотрит телевизор, идет документальный фильм о крупных мировых заговорах. Это один из каналов, беспрерывно показывающих сюжеты о всяческой конспирации, тайнах иллюминатов, масонов, капиталистов, Ордена розы и

креста, инопланетян. Эмиль не отрывается от экрана, и Рене приходит к выводу, что отец, всегда сомневавшийся в честности официальной пропаганды, теперь зашел в своей паранойе слишком далеко.

– Папа?

Тот даже не поворачивается на зов.

– Вы кто? Почему вы называете меня папой?

– Это я, папа, твой сын Рене.

Ему снова приходит мысль, что не знать, не помнить, не узнавать может быть отчасти сознательным выбором.

В комнату заглядывает молодой врач, с виду студент.

– Вы его сын, я правильно понимаю? Приятно познакомиться. Им занимаюсь я, – сообщает он Рене с сердечным видом.

Они жмут друг другу руки. Заранее зная ответ, Рене все же не удерживается от вопроса:

– Его болезнь излечима?

– Для нынешней медицины – нет.

– Его состояние может улучшиться?

– Знаете, как работает память? Запоминается то, что связано с эмоциями. Ваш отец больше не испытывает эмоций, ему ни до чего нет дела. Все для него серо, пресно, размыто. Мир его сознания однообразен, в нем все одинаковое. Отсюда безразличие.

– Кажется, эти передачи про заговоры – исключение.

– Действительно, это, похоже, его увлекает.

– Мой отец преподавал историю.

– Я этого не знал.

– В молодости он вроде бы был хиппи, бунтовал против общества. Его бунт состоял в основном в употреблении марихуаны и в слушании рок-музыки, без всяких уличных боев со спецназом.

– Это любопытно: марихуана ослабляет память.

– Однажды, в день смерти моей матери, он переборщил и «заторчал» гораздо серьезнее обычного. Он бредил, твердил, что угодил в другое измерение. Очутился в зазеркалье. После этого он уже не стал прежним. Видимо, у него в мозгу что-то стряслось, словно скала рухнула. Он перестал узнавать людей. Вышло так, что он как раз собирался на пенсию. Дотянул кое-как до конца учебного года под прикрытием коллег и руководства, после чего попал сюда.

– Понятно. Иногда наркотики вызывают такое вот резкое крушение памяти.

На ночном столике, рядом со стаканом, лежат цветные таблетки. Рене указывает на них врачу:

– Это что?

– Снотворное.

– Какое?

– Бензодиазепин, способствует также расслаблению, без него он был бы гораздо более нервным и агрессивным. Знаете, иногда от таких передач у него бывают вспышки гнева: он принимается обличать банки, выборных деятелей, вооб-

ще общество потребления. В такие моменты он даже может причинить вред себе и остальным.

Рене жалеет, что плохо знает химию и не понимает, каким образом бензодиазипин превращает людей, когда-то ходивших в атаку на общество, в баранов, галлюцинирующих от документальных подделок. Он огорченно качает головой:

– Значит, ему можно как-то помочь?

– Надо вызывать у него эмоции, только мы не знаем, как это делать.

Рене поневоле начинает придумывать варианты.

Приключения, опасности, секс, рок-н-ролл – вот что ему нужно. В этой клинике не выписывают таких рецептов?

– Чаше его навещайте. Здесь у Эмиля совсем мало друзей. Он сразу забывает оказанную ему услугу. Люди принимают это за неблагодарность и перестают ему помогать.

Еще бы, он даже своего единственного ребенка не узнает.

– Мне неприятно вам это говорить, но доходит до того, что ваш отец нервирует других больных. Такие, как он, постепенно оказываются в изоляции, а если их не навещают родные, то все становится еще хуже. Ваш отец еще не настолько плох, но, боюсь, без внешнего стимулирования он будет дни напролет смотреть эту белиберду про заговоры. Пока что он делает перерывы хотя бы на еду, но есть опасение, что дальше будет хуже.

Отец застыл перед экраном с широко распахнутыми глазами, со слегка отвисшей челюстью.

Рене отворачивается, пряча ползущую по щеке слезу.

25.

На настенных часах 22:51.

Ему страшно. Как пройдет вечер? Сможет ли он сам, без помощи гипнотизерши, спуститься на нижние этажи своего подсознания, туда, где тянется коридор с дверями, главная из которых – дверь 001, за которой произошла эта невероятная встреча?

Гиб? Странное имя.

Рене Толедано наскоро готовит себе ужин из полезных для памяти продуктов: стаканчик масла из печени трески, который он выпивает залпом; тарелка скумбрии с брюссельской капустой; абрикосы, изюм, орехи.

За едой он ищет на компьютере новости о выловленном из Сены бездомном.

Из головы не выходят лицейские уроки и растущая враждебность учеников. Вспоминается фраза отца: тому, кто привык ко лжи, правда всегда подозрительна.

Рене вспоминает антиутопию Джорджа Оруэлла «1984», где пропагандисты каждое утро переписывают историю, приспособливая ее к политическим требованиям момента и не опасаясь впасть в противоречие, потому что всех научили забывать.

Стадо послушно жует, не задавая вопросов об истории.

ях, которыми его пичкают... О критике нет речи. Доказательства никого не волнуют. Люди стремятся к консенсусу, чтобы всем вместе блять одну ноту.

Рене глубоко дышит.

История все больше становится политическим вопросом. В своей «Истории Франции» Жюль Мишле установил официальный канон для всех французов последующих поколений. Это он отобрал «звезд», имевших право на увековечивание: Верцингеторикс, Людовик XI, Жанна д'Арк, Генрих IV, Франциск I, Людовик XIV, Наполеон...

То же самое происходило в других странах, где утверждалась официальная правда об официальном прошлом, систематически легитимизировавшая действующую власть, как будто она была плодом непреложного дарвиновского закона эволюции.

Слабых стирают с карты. Остаются только сильные. Но в природе все не так. Она не устраняет, а добавляет. Интерпретацией занимается потом человек, преследующий собственные интересы.

Сам Дарвин хотел легитимизировать жестокие политические системы по принципу «если победили, значит, были правы».

От таких мыслей Рене впадает в глухую ярость и сжимает кулаки.

То, что это все мне настолько безразлично, неслучайно. В глубине души я знаю, что мне предстоит моя личная

война. Это долг памяти. Памяти о побежденных. Памяти о жертвах, униженных палачами и лишенных возможности свидетельствовать. Их версии фактов не уцелели.

Он делает себе крепкий кофе, чтобы продержаться как можно дольше, а потом обустраивает на ковре гостиной специальное место для «самогипноза».

Он делает кольцо из подушек, одну подушку кладет посередине. Расставляет свечи. 23:06.

На стенах гостиной ухмыляются маски. Если бы не «инцидент» со скинхедом, он бы не знал забот, а теперь эта смерть не дает ему покоя, несмотря на умиротворяющее влияние встречи с Гебом.

На мне убийство. Не плата ли это за открытый ящик Пандоры с моими прошлыми жизнями?

Он чувствует нервозность. Зажигает все свечи, гасит свет, чтобы не мешало электрическое освещение. Смотрит на свои часы: 23:22.

До сеанса считанные секунды. Наконец-то я узнаю.

Он садится в позу лотоса, с прямой спиной и расправленными плечами, как у Геба.

Раз у него такая поза, значит, она самая лучшая. Во всяком случае, это правильнее, чем разваливаться в кресле, как я делал раньше.

Он набирает в легкие воздух и долго выдувает его через нос.

23:23.

Он опускает занавес век, замедляет дыхание, старается замедлить сердцебиение, представляет себе лестницу.

Он медленно спускается по десяти ступенькам: первая, вторая, третья... После десятой он оказывается перед бронированной дверью бессознательного. Достает ключ, вставляет его в замочную скважину, поворачивает, открывает толстую дверь, попадает в коридор с красным ковром и пронумерованными дверями.

Он уверенно шагает к дальней двери под номером 1. Поборов страх, он хватается ручки и распахивает дверь.

26.

Ясный день, дует сильный – сильнее, чем в прошлый раз, – влажный ветер, гнутся кокосовые пальмы, на берег обрушиваются волны. Дельфинов не видно. Вдалеке сидит в точности в той же позе Геб. Подойдя, Рене видит разницу: в этот раз глаза у него открыты. Учитель истории садится с ним рядом.

– Здравствуй, Геб. Как завершилось вчерашнее землетрясение?

– Здравствуй, Рене. Спасибо, что спрашиваешь. Ничего, не беда. Так, небольшие толчки. Как я и думал, в некоторых домах треснули стены, ну да ничего.

Они внимательно смотрят друг на друга.

– Который у тебя сейчас час, Рене?

– Сейчас ночь.

– Тогда правильнее сказать тебе «добрый вечер».

– А у вас?

– Здесь рассвет.

Ветер крепчает, вдали волны с шумом обрушиваются на скалы.

– Кстати, мне бы хотелось узнать, в какой эпохе ты живешь, Геб.

– Я живу в 2020 году, а ты?

– Сказать по правде, я тоже, но, думаю, у нас разные календари.

– Я живу в 2020 году после Атума, первого человека.

– А я в 2020 году после рождения Иисуса Христа, считавшегося мессией.

– Значит, ты правильно сказал, у нас разные календари. Есть один способ разобраться, что у нас за эпохи: покажи мне свое небо. Я астроном, я могу определить, в каком ты году по расположению планет и звезд.

– Как же показать тебе «мое» небо?

– А ты открой глаза.

– Если я так сделаю, то разъединюсь с тобой.

– Знай, возможно все, если верить. Ты можешь открыть глаза и показать мне свой мир, не прекращая нашей духовной беседы.

– Наша связь прервется.

– Доверься мне. Попробуй, сам увидишь.

Рене медленно открывает глаза.

– Ты еще здесь?

– Конечно, я вижу то же самое, что и ты. Вот ты и убедился, что мы можем продолжать нормальную беседу. А теперь изволь подойти к своему окну и посмотреть на небо.

Рене, все еще удивленный тем, что не потерял контакта с Гебом, медленно встает, твердя, как заведенный:

– Ты по-прежнему здесь?

Он открывает окно гостиной. На счастье, стоит теплая, безоблачная, звездная ночь.

Геб просит его поворачивать голову: на запад, на восток, поднять как можно выше, опустить как можно ниже.

– Годится, можешь вернуться в исходное положение. Я займусь расчетами.

Рене возвращается в позу лотоса, закрывает глаза, переносится в мир Геба и там, на пляже, ждет.

– Нас разделяют 12 000 лет, – сообщает через некоторое время Геб.

– Не две тысячи?

– Нет, двенадцать тысяч.

Рене отлично известно, что цивилизация возникла за 5 тысяч лет до нашей эры, с появлением первого шумерского города Эриду.

Раз Геб утверждает, что между нами 12 000 лет, значит, он живет задолго до первой официально признанной цивилизации. За целых 10 000 лет до рождества Христова!

– Быть того не может, – говорит учитель истории. – В твои вычисления наверняка вкралась ошибка, посчитай еще раз.

– Зачем?

– Для нас 12 000 лет назад не могло быть... (*никого, кроме доисторических людей*) астрономов, способных выдать информацию вроде той, которую сообщаем ты.

Этот довод оставляет человека в юбке равнодушным.

– Полагаю, ваши познания об истории прошлого неполны. Гарантирую тебе, что в мои времена есть астрономы и что я не единственный, кто этим занимается. Есть у нас и историки, пытающиеся заглянуть в самое далекое прошлое, и, похоже, они поодареннее ваших!

Рене предпочитает сменить тему:

– Где вы живете, господин астроном?

– Мой город зовется Мем-сет. Это столица острова Хамем-птах.

– Для меня эти названия – пустой звук.

– Я никогда не покидал нашего острова, он расположен посреди моря, раскинувшегося в центре мира.

Не пойму, о чем он: что за остров посреди моря в центре мира? Мне даже не понять, в каком месте планеты все это находится.

Впрочем, Геб назвал город, значит, он принадлежит к дошумерской цивилизации.

– Если я открою глаза, наша связь не прервется?

– Не прервется, открывай.

Рене открывает глаза, встает и идет за глобусом.

– Знаешь, что это?

– Наша планета в виде шара, полагаю. Не забывай, это именно то, чем я занимаюсь.

– Значит, тебе известно расположение континентов?

– Как я сказал, я никогда не покидал острова, как и все наши. Но астральные вояжи позволяют моей душе парить всюду, где я пожелаю.

– Астральные вояжи? А телескоп, бинокль, что угодно, чтобы разглядывать звезды? Ничего такого?

– Астральный вояж – способ, позволяющий моей душе исследовать все края, все планеты, все звезды, какие я пожелаю. Зачем мне лишние приборы?

Ответ настолько категоричен, что Рене больше не смеет задавать вопросов.

– Где ты живешь, Рене? Покажи.

Рене тычет пальцем в глобус:

– Вот здесь. Мой город зовется Парижем, страна Францией, континент Европой.

– Вот как? Я летал над этими краями во время астральных вояжей. У нас они называются «дикими территориями северо-запада». Признаться, я думал, что люди там не водятся.

– Теперь покажи мне, где живешь ты, Геб. Где находится твой остров?

Учитель истории начинает вести пальцем от Парижа на юг.

– Ниже, левее, еще левее, ниже, еще немного левее. Вот здесь.

Рене проверяет, где остановился его палец.

– Это же посреди Атлантического океана!

– Твоя карта, как и твои знания о прошлом, неполна.

Рене не в силах отвести взгляд от места, где, выходит, живет Геб.

– Мне очень странно, что твой остров Ха-мем-птах не обозначен на моем глобусе. Наши спутники видят всю сушу. Если только...

Нет, этого не может быть.

– Что?

Учитель истории подыскивает слова.

– В древнейших текстах есть упоминания острова, существовавшего здесь в незапамятные времена. Он назывался...

Он не смеет закончить, но слово вырывается само собой:

– ...Атлантида.

– Что это такое?

– Мифический остров.

– Что значит «мифический»?

– Это значит, что для нас, нынешних людей, само существование твоего острова – это... миф.

Рене выдерживает паузу, прежде чем продолжить:

– Честно говоря, большинство моих современников считает, что его вообще не существовало. Что Атлантида – это что-то вроде детской сказки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.